

detective.ru

@ Автор

@ Название

Мария
Брикер

Босиком
по снегу

Издательство «Эксмо»

Мария Брикер

Босиком по снегу

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139177

Брикер М. Босиком по снегу: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-20431-1

Аннотация

Сашенька Демидова, бывшая воспитанница детдома, хотела стать фокусницей и выступать в цирке, а пока тренировалась на прохожих, вытаскивая у них кошельки. В Новый год ей особенно повезло с уловом. Пачка долларов, визитки с парижским адресом... Иностранец! Вот только что делает листок с координатами Саши в этом дорогом бумажнике? А его хозяин уже поджидает ее дома рядом с трупом соседа... Здравствуй, елка, Новый год!..

Содержание

Пролог	4
Часть 1	16
Глава 1	16
Глава 2	24
Глава 3	40
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	84
Глава 7	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мария БРИКЕР

БОСИКОМ ПО СНЕГУ

Пролог

Город Владимир, май 1983 года

Мамука пел! Мамука пел в ванной арию Ленского из оперы «Евгений Онегин», пел со сладострастием, ужасающе фальшивя и пытаясь переорать шум воды. Пел уже двадцать минут.

Ниночка нервно отбросила журнал «Огонек» в сторону, откинулась на спинку дивана и ладонями закрыла уши.

Не помогло.

– Куда, куда вы удалились?! Весны моей златые дни?! Что день грядущий мне готовит?!

– Грядущий день тебе готовит смерть, если ты не заткнешься, – приподнявшись, простонала Ниночка, вновь рухнула на диван и прижала к голове подушку.

Не помогло. Козлиное бляение мужа прорывалось сквозь все преграды.

Со слухом у Мамуки Муртазовича Далакмишвили всегда было плохо, но это нисколько не смущало супруга. Его вообще тяжело было чем-либо смутить. Что, в конце концов,

могло обескуражить уважаемого в городе человека, активно продвигаемого по партийной лестнице члена, профессора университета, лучшего преподавателя истории КПСС, обладателя роскошной, обставленной по последнему писку номенклатурной моды трехкомнатной квартирki в центре города?

Репутация Мамуки Муртазовича была безупречна, или почти безупречна. Женившись на Ниночке, Далакмишвили немного прогадал, пытаясь поймать двух зайцев одновременно. Причина была в отце супруги, человеке влиятельном, богатом и, соответственно, далеко не безгрешном. Ян Лацис, отец Нины, с виду скромный работник мастерской по ремонту ювелирных украшений, подпольно снабжал партийную и прочую элиту искусно выполненными декоративными изделиями собственного производства. Феномен отца Ниночки заключался в том, что, обладая тонким вкусом, он не гнушался производить и китч, четко следуя пожеланиям клиента: «торгашки» уходили от него увешанными массивными брильянтами и рубинами, а жены дипломатов получали изысканные вещи тонкой работы. Довольны оставались все, поэтому Яна не трогали – слишком много влиятельных людей, вернее, жен и любовниц этих влиятельных людей, готовы были в любой момент замолвить за него словечко, но специальные органы внимательно наблюдали за его работой, неусыпно держа мастера под прозрачным колпаком. Ситуация могла измениться в любую минуту, поэтому, получив

в приданое увесистый куш, знакомства с нужными людьми и молодую красавицу-жену, высокую блондинку с необыкновенными дымчато-серыми глазами, Мамука Муртазович вместе с тем стал обладателем весьма серьезных проблем, и путь в Москву, куда он всячески стремился, для него оказался закрыт.

Шум воды в ванной комнате прекратился. Однако, закончив водные процедуры, Мамука Муртазович умолкать не собирался и в гостиную вплыл на самой высокой ноте, с животрепещущим вопросом на устах: падет ли он стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она?.. Пожалуй, если бы у Ниночки в этот момент был под рукой арбалет, то на риторический вопрос супруга она ответила бы утвердительно. Но так как в ее распоряжении оружия не оказалось, пришлось запустить в мужа подушкой. Мамука понял жест по-своему, игриво погрозил жене пальчиком, поправил обмотанное во круг пивного брюшка полотенце и, сложив губы трубочкой, чмокнул воздух.

Ниночку затошнило. Мутило ее все утро, но сейчас это состояние достигло апогея. Она вскочила с дивана и бросилась вон из гостиной. Спустя пять минут, нажав на рычаг сливного бачка унитаза, прополоскав рот и умывшись холодной водой, Ниночка бодро вернулась в комнату. Мамука Муртазович стоял на том же месте, в той же самой позе, и сосредоточенно хмурился.

– Что тебе приготовить на завтрак? – доброжелательно

спросила Ниночка и с сияющей улыбкой посмотрела на мужа. Приступ дурноты наконец прошел, впервые за все утро ей захотелось есть, и воображение живо нарисовало Ниночке яичко, бутерброд с сыром и чашку сладкого чая с лимоном.

– Ничего не нужно, дорогая. Сегодня я решил устроить себе разгрузочный день! – торжественно сообщил супруг. – Кстати, почему ты еще не одета? Ты же собиралась поехать к отцу пораньше, помочь ему приготовить все к сегодняшнему торжеству?

– Может быть, ты все-таки покушаешь? – растерялась Нина. Отказ от завтрака означал одно – Мамука смертельно заболел.

– Нина! Не заставляй меня повторять дважды, – грозно сказал супруг. – Собирайся. Времени уже – половина одиннадцатого. Отец обидится, если ты опоздаешь.

– Ты думаешь?.. – удивилась в очередной раз Нина.

По поводу вечернего мероприятия она несколько не волновалась. Ее участие в подготовке к юбилею было только формальным: к плите и сервировке стола Нину категорически не допускали. В доме Яна Лациса всем заправляла экономка отца – Елизавета Модестовна. Появилась она вскоре после смерти матери Нины и со временем сумела отвоевать для себя место полноправного члена семьи. Со своими обязанностями Елизавета Модестовна справлялась безукоризненно, и, если бы не ее склочный и вредный характер... Впрочем, исключительные кулинарные способности

компенсировали этот маленький недостаток – ради фирменных оладушек, ароматных кулебяк и прочих вкусностей Елизавете Модестовне прощалось все.

– Тогда я у отца позавтракаю, чтобы тебя не смущать, – улыбнулась Нина, сладко потянулась, чмокнула Мамуку Муртазовича в гладковыбритую щеку и вышла из комнаты.

Как ни странно, безумный союз наполовину латышки – наполовину русской с мужчиной кавказских кровей до последнего времени существовал вполне мирно. Нина рано лишилась матери, и Ян Лацис, возложив на свои плечи заботу о дочери, воспитал Ниночку в строгих патриархальных традициях, которые полностью разделял Далакмишвили: женщина должна сидеть дома, варить обед, рожать детей и слушаться во всем мужа. Супруг был старше на пятнадцать лет, красотой особой не блистал, но Ниночку это не смущало. Ей было вполне достаточно, что муж любит ее и обеспечивает ей сладкую жизнь со всеми удобствами. Единственной проблемой было отсутствие детей: за четыре года брака Ниночка так и не смогла родить наследника. Но и тут Мамука Муртазович оказался на высоте и ни разу не упрекнул ее. По-своему она даже любила Мамуку, причем нежно, где-то в глубине души. Что еще нужно женщине для счастья? Так успокаивала себя Ниночка, когда совсем недавно поняла, что для полного удовлетворения ей все-таки чего-то не хватает. Самовнушение не помогло, в душе образовалась пустота, заполнить которую было просто необходимо, и Ниночка реши-

ла заняться чем-то полезным, например, попроситься отцу в ученицы и продолжить его ювелирное дело. Вот тут и начались серьезные проблемы. Муж, вступив в тайный сговор с отцом, стал активно ставить ей палки в колеса. Сначала Мамука действовал обходными маневрами: на месяц отправил Ниночку на море в лучший закрытый пансионат в Крыму. На что муж рассчитывал – Ниночка так и не поняла. Идея реализовать себя окрепла под жаркими лучами южного солнца и отшлифовалась живительной морской водой. Плюс витамины с щедрых крымских рынков, свежий воздух и живописные местные пейзажи – Ниночка набралась новых сил, получила массу впечатлений и по возвращении домой была готова к очередному штурму бастиона. Бастион не поддавался ни в какую. Целый месяц она пыталась доказать мужу, что имеет право быть самостоятельной – бесполезно, муж отказывался ее понимать и уже вел себя не столь дипломатично. Еще хуже дела обстояли с отцом. Ян Лацис не только не хотел ничего понимать, он вообще отказывался ее слушать и каждый раз мастерски переводил разговор на другую тему. Хитрый лис был ее отец. Но сегодня настал решающий день! Ниночка решила: либо сейчас, либо... потом, но она добьется своего. Она заранее обдумала небольшую гневную речь, приготовила эскизы будущих ювелирных шедевров и запланировала сразить отца своим бесспорным дарованием.

Новое небесно-голубое летнее платье, доставленное недавно от лучшей портнихи города, на стройной фигурке

сидело идеально. Но Нина с неудовольствием отметила, что даже в этом шикарном наряде она выглядит неважно. Нездоровая бледность, отекавшее лицо, синяки под глазами... Приводить себя в порядок не было никаких сил и желания. Осталось красиво упаковать подарок для отца, и можно ехать. Шелковая серебряная лента, которой она обвязала коробку с фарфоровым чайным сервизом, была слишком длинной. Ножниц под рукой не оказалось, не нашлось их и в кабинете мужа. Выхватив из ящика рабочего стола длинный узкий нож для резки бумаги, украшенный фальшивыми изумрудами и рубинами, Ниночка вышла из кабинета.

Звонок в дверь застал ее в прихожей. Она положила нож на небольшой антикварный столик для газет и распахнула дверь. На пороге стояла круглолицая курносая девица с двумя тощими пегими косичками, затянутая в детское красное платье в крупный белый горох. Ничего более идиотского Ниночка в своей жизни еще не видела, к тому же платье было явно маловато посетительнице и подчеркивало все недостатки нескладной полной фигуры девицы. Возраст «небесного создания» определить оказалось довольно сложно: на ее лицо было щедро нанесен толстый слой пудры нежного поросячьего цвета, а пухлые щеки полыхали пурпурным неестественным румянцем.

– Здрасьте, а Мамука Муртазович дома? – пискляво спросила посетительница, хлопнув прозрачными голубыми глазами.

– Это ко мне, – вынырнув из-за спины Нины, торопливо сообщил муж. – Ну и... – сменил он тон, обращаясь к девушке. – Готова к зачету, Лисичкина?!

– Да, – вяло отозвалась девушка и густо покраснела.

– Так это студентка твоя, – засмеялась Нина. – Проходите, девушка, и чувствуйте себя как дома. И не бойтесь его, он только с виду грозный, – Нина пропустила несчастную в квартиру, проводила ее в кабинет и сразу же наткнулась на ножницы, которые спокойно лежали на письменном столе. Ругая себя за рассеянность, она вернулась в свою комнату, обрезала блестящую тесьму и, подхватив подарок, сообщила мужу, что уезжает.

– Передавай отцу привет и скажи, что я приеду к семи, – широко улыбнулся супруг и закрыл за Ниночкой дверь.

Скандал вспыхнул на пустом месте. Не успела Ниночка переступить порог отчего дома, как отец увлек ее в свой кабинет, усадил на стул и стал носиться по комнате, держа в руке какой-то листок бумаги.

– Что с тобой, папа? – растерянно спросила Нина, наблюдая за странными маневрами отца.

– Нет, ты только послушай, что в Москве творится! Среди бела дня магазины грабят, и кто бы ты думала! Молодая девушка! Смотри, фоторобот со слов очевидцев составили, – сунув под нос Нине лист, возбужденно сообщил отец.

– «Разыскивается особо опасная преступница...» – прочитала Нина и непонимающе посмотрела на отца.

– Знаешь, что эта девчонка учудила? Совершила вооруженное нападение на ювелирный магазин и похитила золотых украшений на сумму...

– Бред какой-то, – прервала отца Нина. – Откуда это у тебя?

– Откуда, откуда... – проворчал отец. – Из органов ко мне приходили. Интересовались, не засветилась ли эта идиотка у меня. В опасное время живем, Нина! В опасное! Это я к тому говорю, чтобы ты...

– Папа!!! – закричала Нина, сообразив, к чему клонит отец. – Ну при чем тут...

– При том!!! – заорал Ян. – Я живу как на бочке с порохом. Не ограбят, так посадят в любой момент! А ты...

– Пап, я вот тут кое-что принесла, – застенчиво перебила его Нина и положила на стол перед отцом блокнот со своими эскизами. Момент был не самый подходящий, мало того, совсем неподходящий, но терпеть дальше и молчать не было никаких сил.

– Что там у тебя? – заинтересованно приподняв брови, спросил отец, открыл блокнот, и брови его мгновенно поползли к переносице.

– Это... ну, то, что в блокноте... Это в какой-то мере мое видение, – пролепетала Ниночка. – Очень хочется придать этому иной вид, не без твоей помощи, конечно. Ты поможешь мне?

– И не подумаю даже! – рявкнул отец, захлопнул блокнот

и забросил его в дальний угол комнаты. Он понял, что погорячился, когда посмотрел на дочь. Смутился, пригладил густые, тронутые сединой волосы, неуклюже полез в стол за сигаретами, трясущейся рукой попытался прикурить, а она все смотрела на него, не мигая, и во взгляде ее дымчато-серых глаз плескались боль и отчаяние.

– Нина, – тихо прошептал он, пытаясь преодолеть внезапно возникшую в горле хрипоту, – не нужно так реагировать, доченька. Успокойся, я же тебе только добра желаю. – Отец вновь открыл ящик стола, достал шоколадку и положил на стол перед Ниной. Это был запрещенный прием: дочь с детства обожала шоколад и за плитку сладкого блаженства могла простить любые обиды. Но сегодня...

– Убери, – пропищала она, с отвращением сморщилась и вылетела из комнаты, оставив растерянного отца одного.

Хлопнула дверь туалета. Ян бросился вслед за дочкой и настойчиво постучался в дверь – Ниночка не отвечала, но звуки, долетевшие до ушей отца, ясно свидетельствовали о том, что с дочерью не все в порядке.

Из кухни показалась недовольная Елизавета Модестовна.

– Что расшумелись? – заворчала экономка. – Покоя от вас нет никакого! Носятся туда-сюда, орут как полоумные, пироги мешают печь...

– Не ворчи, – хмуро отозвался Ян. – Беги доктору звони. Нину тошнит. Заболела.

– Заболела, – передразнила экономка, – типун тебе на

язык. Беременная она! Я как на нее глянула сегодня, сразу все поняла.

Из туалетной комнаты показалась бледная Нина. Версию Елизаветы Модестовны относительно своего состояния она услышала и теперь растерянно хлопала глазами.

– Пап, кажется, Елизавета Модестовна права, – неуверенно пролепетала Ниночка. – Пап, по-моему, я действительно в положении. Меня уже неделю тошнит, голова кружится, и еще все время хочется кого-нибудь убить, особенно Мамуку. Он сегодня пел в ванной, так я еле сдержалась, чтобы его не придушить.

– Точно, беременная, – с уверенностью сказала экономка и сгребла Нину в объятия.

– Господи, радость-то какая! – воскликнул отец и заплясал вокруг обнимающейся парочки. – Теперь, надеюсь, ты угомонишься.

– И не надейся, папуля, – лукаво подмигнула отцу Нина, она была слишком возбуждена и довольна, чтобы ссориться сейчас с отцом. – Пап, я домой поеду, ладно? – заканючила она. – Мамука обещал к семи приехать, но я до вечера не дотерплю. Съезжу и вернусь, хорошо, папочка?

– Конечно, езжай. Но не рано ли Мамуку Муртазовича в известность ставить? Может быть, стоит сначала уточнить твое интересное положение у врача?

– Ты прав, я так и сделаю, – согласилась Нина, подхватила свою сумочку и направилась к двери.

К своему дому она попала к трем часам, получив у своего гинеколога подтверждение беременности. Задыхаясь от счастья, Ниночка отперла дверь своей квартиры, впорхнула в просторную прихожую, сделала несколько шагов и остановилась, как вкопанная. Из глубины кабинета доносились приглушенные всхлипывания и сладострастные женские стоны, прерывающиеся хрипловатым и каким-то неестественным смехом мужа.

«Уйти», – сквозь тошноту и головокружение подумала Нина, пошатнулась, оперлась о стол и почувствовала под рукой холодное лезвие ножа для бумаги.

От сквозняка шумно захлопнулась входная дверь – бежать было поздно, ее присутствие заметили.

Дверь кабинета распахнулась, муж выскочил в коридор, бледный, полуголый, растрепанный... Секунду она смотрела в его испуганные глаза, в ушах зашумело, заныло внизу живота, а в голове вдруг громко и отчетливо зазвучала опера «Евгений Онегин»...

Часть 1

Глава 1

МЯГКАЯ ПОСАДКА

29 декабря 2003 года

«Боинг 747» взмыл ввысь, стремительно набирая высоту. Заложило уши, во рту пересохло, мозги сконцентрировались где-то в области макушки, по спине пробежал холодок, душа обратилась к богу, моля о защите, покровительстве и всепрощении... Дискомфорт, вызванный взлетом, прошел быстро. Самолет, разорвав плотный слой белоснежных густых облаков, похожих на взбитые сливки, выровнялся. Засуетились молоденькие симпатичные стюардессы, готовые разносить прохладительные и горячительные напитки, табло погасло, можно было избавиться от ремня безопасности, напиться и забыть на время о том, что в данную минуту собственная жизнь принадлежит тебе лишь формально.

Мельком взглянув на рыжеволосую пожилую даму, которая сидела в соседнем кресле со странным выражением лица, Михаэль вежливо, хотя и не без труда, отцепил ее крепкие пальцы от своей руки, улыбнулся, заказал себе две порции

коньяка, выпил их залпом, закусив солеными орешками, и почувствовал, как по всему телу растекается тепло. На душе стало относительно спокойно, но уши по-прежнему настороженно прислушивались к монотонному шуму мотора, а глаза помимо воли придирчиво вглядывались в лица обаятельных стюардесс, опасаясь уловить в них тень тревоги или беспокойства. Рыжеволосая дама продублировала его действия и вновь вцепилась в руку Михаэля: видимо, его мужественный локоть успокаивал несчастную, предположил Михаэль, и, решив не обращать на соседку внимания, он заказал себе вина. Соседка сделала то же самое.

Две последующие порции терпкого красного вина, влитые в организм поверх коньяка, дали наконец тот эффект, на который он рассчитывал. Михаэлю стало все безразлично: и шум моторов, и выражения лиц очаровательных стюардесс, и сами стюардессы, и то, что будет с ним, если лайнер вдруг потерпит крушение. Чтобы удержаться в данном индифферентном состоянии до посадки и не протрезветь раньше времени, Михаэль отказался от обеда. Шатаясь, он прошелся по салону первого класса, мешая бортпроводницам обслуживать привередливых пассажиров, но в конце концов угомонился, уселся в кресло, достал из портфеля старую потрепанную тетрадь из кожзаменителя, вытянул ноги, раскрыл первую страницу и погрузился в чтение. Впервые в его руках оказался чужой дневник, дневник женщины по имени Нина Лацис. Первая запись датировалась 20 декабря 1986

года. Пожелтевшие от времени страницы были исписаны синим химическим карандашом, плотным, неровным, но понятным почерком.

«Ленский, Ленский, при чем тут Ленский? И что все это значит?» – раздраженно думал Михаэль, пролистывая дневник. Нина Лацис явно была не в себе, когда писала эти строки. Как еще можно воспринимать откровения женщины, которая считает, что мотивом к убийству мужа ей послужила плохо исполненная супругом ария из оперы «Евгений Онегин». «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни»... – пронеслось в голове, и Михаэль непонимающе пожал плечами. Повезло, что незадачливый солист все-таки оклемался от ножевого ранения спустя пару месяцев, и Нина Лацис отделалась лишь четырьмя годами колонии. Могли бы и больше вкатать. Попытка убийства – не шутки, но суд принял во внимание то смягчающее обстоятельство, что женщина была в положении, когда совершила столь экстравагантный уголовно наказуемый поступок. Была, но в результате стресса ребенка потеряла. И не только ребенка. Нина Лацис потеряла все, и в один день оказалась на самой низшей ступеньке социальной лестницы. Вышла из колонии, правда, на год раньше срока за примерное поведение. Но какая разница? О том, что пережила эта женщина, можно было только догадываться. Развод, презрение друзей, смерть отца – бедняга не вынес удара и скончался вскоре после суда от сердечного приступа. Единственный человек, с которым Нина Лацис не

потеряла связи, – экономка отца – письма и передачи от нее Нина получала регулярно, – только она одна. Не слишком ли высокая цена за минутную глупость? Михаэль не верил во весь этот бред с оперой. Он чувствовал, что у Нины Лацис была другая причина, другой мотив, но даже в личном дневнике она об этом не написала. Почему? Неужели правда была так ужасна, что Нина обманывала даже саму себя? Впрочем, сейчас это было уже неважно.

От чтения его отвлекла все та же соседка, которая на этот раз вцепилась в него с такой силой, что он почувствовал боль и дискомфорт.

– Мадам, не соизволите ли вы... убрать свою руку, – попросил он по-русски, с легким французским акцентом.

Женщина повернулась, посмотрела безумными глазами сквозь него и усилила нажим на его локоть. Не повезло, с беспокойством подумал он, дама, сидящая рядом, без сомнения, была истеричкой. На этот раз разжать ее пальцы оказалось еще сложнее, и Михаэль стал подумывать о возможности пересесть на другое место. Он и сам до дрожи боялся летать, но вел себя, по крайней мере, корректно и не нервировал других пассажиров.

– Мы все умрем, молитесь, грешники! – взвизгнула женщина.

Михаэль вздрогнул и разом вспотел. Грешником он себя не считал, но все же на всякий случай еще раз прочитал мо-

литву. По салону пробежал взволнованный шепот, люди за-нервничали. Он озадаченно повернулся и оглядел салон первого класса – свободных мест не было.

– Кара небесная постигнет нас! Молитесь, грешники, ибо в этом есть наше спасение! – заорала сумасшедшая, вскочила и вознесла руки к потолку. Пассажиры в тихом ужасе устали на ненормальную. Одна женщина решила даже всплакнуть и издала сдавленный всхлип. Стюардессы засуетились вокруг неврастенички, вежливо пытаясь уговорить ее успокоиться и сесть на место. Но не тут-то было: рыжая оттолкнула бортпроводниц и, размахивая руками, понеслась по салону в хвост самолета с дикими воплями отчаяния и требованиями, чтобы ее немедленно выпустили.

– Да выпустите вы ее действительно, – посоветовал кто-то сердобольный сочувственно.

– Ага, пусть полетает, где у вас тут дверь? – поддержали его дружно. Все засмеялись и опять затихли, потому что сумасшедшая баба уже неслась в обратном направлении, ловко маневрируя между вставшими на ее пути стюардессами. Просвистев метеором по салону первого класса, женщина с разбегу «протаранила» головой дверь в кабину пилотов, издала тихий стон и затихла на полу.

– А вот и дверь, – хихикнул кто-то, – жаль, что она оказалась заперта.

– What happened? – озадаченно спросила сухощавая старушка-англичанка, которая с самого начала полета дремала

и только что проснулась.

– Пить, мамаша, будете? – вместо ответа спросил полный бородатый мужчина, сидящий рядом с ней и вытащил откуда-то литровую бутылку водки. Старушка утвердительно кивнула кучерявой головой и протянула свой пластиковый стаканчик. Вслед за старушкой потянулись к своим стаканчикам остальные пассажиры первого класса, народ начал медленно восстанавливать свой душевный покой и всласть напиваться. Михаэль не был исключением: выпив вместе со всеми за спокойный полет, он устроился поудобнее и вновь погрузился в изучение дневника.

Через двадцать минут его начало клонить ко сну, навалилась безудержная зевота. Он прочитал уже половину тетради, но полезной информации пока не обнаружил, и скучное повествование о тяжелой жизни стало его утомлять. Стараясь не уснуть и подавив очередной зевок, он пролистал еще несколько страниц, сосредоточенно уставился в текст и зевать перестал. Наконец мелькнуло интересующее его имя – Нина Лацис описывала свои впечатления от знакомства с новой осужденной. *«Вчера перекинулись с ней парой слов. Ее зовут Тома, она из Москвы, дома остались мать и маленькая дочка. И когда только успела родить? Молоденькая совсем, младше меня лет на пять, маленькая, хрупкая с виду, стрижка „ежиком“ и большие глаза, темные, внимательные, наглаватые... Не могу избавиться от мысли, что где-то видела ее, и теперь мучаюсь от неопределенности.*

Странное чувство... Странная девушка... По-моему, сумасбродка и дебоширка. Вряд ли мы станем подругами, хотя она явно этого хочет. Не понимаю – почему?»

«Тома», – задумчиво повторил про себя Михаэль и с азартом стал листать дневник дальше, уже зная заранее, что очень скоро Тома, Тамара Яковлевна Качалина, станет самой близкой подругой Нины, и все ответы на вопросы будут найдены.

Шасси мягко коснулись посадочной полосы, раздались бурные аплодисменты, пьяные в хлам пассажиры, довольные удачной посадкой, громко возликовали.

Михаэль пришел в себя и растерянно посмотрел в овальное окно иллюминатора. За чтением он не заметил, как прошел полет, и даже не успел испугаться перед приземлением, что никогда прежде с ним не случалось. Он захлопнул тетрадь и задумчиво почесал макушку. Дневник прочитан до конца, но совершенно непонятно, с какой целью князь Филипп Волынский настоял, чтобы Михаэль ознакомился с содержанием тетради, ведь ничего нового так и не выяснилось. Вся история знакомства Нины Лацис с Тамарой Качалиной на зоне практически дословно была пересказана Филиппом и дополнилась лишь сопливыми переживаниями, которые к делу не имели никакого отношения. В дневнике была описана только жизнь Нины Лацис в колонии – и ни строчки о том, как она жила после освобождения. Глупая трата времени, да и только, раздраженно подумал он, сунул тетрадь в портфель

и, поблагодарив уставших, но по-прежнему неутомимо вежливых стюардесс, покинул самолет.

Впереди его ждали длинный хвост из раздраженных, уставших людей, паспортный контроль, резкий запах табака, сырости и общественного туалета, каменные лица пограничников, бледный штамп в паспорте, долгое ожидание чемодана, отсутствие тележек, толпы встречающих, гнусные наглые физиономии таксистов, роскошный номер-люкс отеля «Балчуг» с видом на Кремль, горячая ванна, бутылка водки «Русский стандарт», нежные блины с черной икрой и мягкая постель.

Глава 2

Елки-палки, Новый год!

Москва, 31 декабря 2003 года

Новогодняя суета утихла ближе к вечеру. Магазины и улицы Москвы почти опустели, и город замер в предвкушении праздника. Лишь изредка мелькали редкие торопливые пешеходы с озабоченными лицами и парочки, увешанные с ног до головы подарочными пакетиками. На улице было не позимнему тепло, шел мягкий пушистый снег, искрящийся в свете неоновых огней, и вечер казался волшебным и сказочным... Сказка вдруг кончилась.

– Прикол, – нервно хихикнула Сашенька, разглядывая аккуратный разрез в своем поношенном джинсовом рюкзачке – кошелек, а вместе с ним и около пяти тысяч рублей бесследно испарились. Сашенька украдкой огляделась и, продолжая хихикать, торопливо направилась к ближайшей помойке.

«Это же надо было так лопухнуться!» – смущенно подумала Сашенька. Ее, лучшую карманницу в районе, обчистил какой-то заезжий гастролер, а она этого даже не заметила! Явный конфуз мог серьезно подорвать ее авторитет у местной шпаны, и Сашенька рисковала стать предметом ядовитых насмешек на всю оставшуюся жизнь, поэтому избавить-

ся от улики следовало как можно быстрее. Сашенька остановилась у магазина модной одежды, затолкала испорченный рюкзачок в урну, что стояла рядом с входом, и, вздохнув с облегчением, с интересом уставилась на лысый манекен в витрине, одетый в блестящее вечернее платье.

Денег не было ни копейки, но Сашенька не унывала. К счастью, она успела купить все необходимое для праздничного стола до того, как ее обокрали. Два килограмма мандаринов, салат «Оливье», шоколадные конфеты и пирожки с капустой лежали в пакете и приятно оттягивали руку. Осталось только каким-то образом добыть елку, и все у нее будет просто отлично.

Свои сбережения Саша стала носить с собой, как только поняла, что в ее отсутствие добрый и вечно пьяный соседущка проникает к ней в комнату и тырит все, что плохо лежит. Она его не особенно осуждала, потому что сама занималась тем же, только, в отличие от соседа, делала это профессионально и грамотно.

О своей феноменальной ловкости рук, пластичности пальцев и способности незаметно проникать в недра чужих карманов Сашенька узнала случайно, когда на какой-то праздник в их детский дом приехали артисты цирка и наивный фокусник имел неосторожность пригласить ее в качестве своей помощницы на сцену. Доверив Сашеньке свои часы, он попросил девушку их спрятать, завязал себе глаза и пообещал, что вытащит часы из своего кармана. Но но-

мер с треском провалился, потому что фокусник часов своих так и не нашел. Сашенька, внимательно наблюдая за всеми действиями артиста, проделала то же самое, только в обратной последовательности. Растерянный маг был с позором и свистом изгнан со сцены и, злой и расстроенный, отбыл восвояси. Однако спустя месяц Сашенька получила от него посылку, в которой находились учебные пособия по технике проведения фокусов. Девушка с азартом принялась изучать книги и уже через пару недель развлекала малышей, демонстрируя им все свои умения. Учеба в школе подошла к концу, нужно было думать о будущем. С дальнейшим обучением она решила подождать, хотелось заработать денег. Поэтому мечта о славе великой фокусницы, которая с недавнего времени поселилась в ее душе, была отложена до лучших времен, и, покинув стены детского дома, Сашенька стала приспосабливаться к самостоятельной взрослой жизни. Но жизнь начала складываться далеко не так, как она хотела. Никто не торопился брать на работу бывшую воспитанницу детского дома, и единственное, на что Сашенька могла рассчитывать, – это должность полумойки или дворничихи. Месяц она с азартом драила подъезды дома, в котором ей выделили комнату, предвкушая счастливый момент получения награды за свой каторжный труд, но... Через неделю после получения зарплаты в кошельке было уже пусто, хотя свои первые кровно заработанные деньги она тратила только на еду. Прикончив все продовольственные припасы в до-

ме, включая сахар-рафинад, Сашенька вдруг задумалась над проблемой социальной справедливости, о которой ей рассказывали в школе, а когда желудок совсем свело от голода, набросила поношенную курточку и вышла к станции метро, чтобы принять непосредственное участие в распределении материальных благ между разными социальными слоями населения.

– Здорово, Санька! – громыхнул рядом с ухом знакомый шепелявый голос Лешки Свистуна, и Саша от неожиданности выронила пакет с едой из рук. Мандарины, как яркие мячики, покатались на проезжую часть, пирожки высыпались в расквашенный грязный снег, грузная женщина с объемными сумками на всех парах просквозила мимо них, наступила на пакет – и внутри его что-то хрустнуло: это была пластиковая коробочка с салатом «Оливье». Саша растерянно посмотрела в ту сторону, куда покатались мандарины, – вместо ароматных сочных плодов на дороге лежали плоские оранжевые лепешки – новогодние марокканские мандарины трагически погибли под колесами автомобилей.

– Ну ты, го-о-о-блин, – выдохнула она и со всей силы ударил Лешку кулаком в живот.

– Э... – сказал Лешка и осел на снег, хватая воздух ртом. – Сань, ты чего? – прохрипел он, как только к нему вернулась способность говорить. – Я ведь только с Новым годом хотел тебя поздравить!

Прозвище Свистун прилипло к Лешке из-за его дефекта речи: он плохо выговаривал шипящие звуки, попросту говоря – шепелявил и из-за этого слегка присвистывал. Шепелявость страшно угнетала Лешку, но со своим прозвищем он существовал вполне мирно, искренне полагая, что назван так не из-за проблем с дикцией, а из-за своего пристрастия к автомобильным аксессуарам, в частности, магнитолам, колонкам и прочим симпатичным вещам, которые владельцы автотранспортных средств по забывчивости оставляли в своих машинах на ночь. По мнению Саши, Лешке больше подошла бы кликуха Жук, внешне он очень походил на это насекомое: невысокий, коренастый, с копной темных волос и лохматыми бровями. Однако прозвище Жук имело у местной шпаны значение двусмысленное, а Леша был горяч, тяжел на руку и обид не прощал. Саша, пожалуй, была единственным человеком на этом свете, которому Свистун позволял над собой подтрунивать. Уже несколько месяцев кряду он безуспешно пытался добиться ее расположения и изнывал от любви.

– Ну уш пождравил, так пождравил ш Новым годом, – передразнила Саша, ярко копируя Лешкину манеру говорить и нарочно коверкая звуки. – Набурокозил, дятел, и я теперь по твоей милости без новогоднего ужина осталась, – возмутилась девушка, нагнулась к пакету, выудила из него перепачканный салатом кулек с конфетами, вытерла его о снег, внимательно оглядела содержимое, сморщилась, заметив несколько расплюснутых «Красных шапочек» и «Ми-

шек на Севере», и засунула кулек за пазуху.

Лешка встал, отряхнул куртку и штаны, откашлялся и криво улыбнулся.

– Сань, – крикнул он и покраснел. – Ну если уж такая лажа вышла – может, к нам? У нас такая туса кульная намечается...

– В полете, – лениво сообщила Саша, развернулась и направилась к елочному базару.

– Саш, я спросить хотел! – завопил Лешка вслед. – Как ты, много за день подняла?

– У меня рождественские каникулы! Я принципиально не работаю в новогодние праздники, – не оборачиваясь, ответила Саша. – А вообще-то с Новым годом, Свистун. Привет корешам, и арривидерчи!

Она подошла к елочному базару, оценила обстановку и тяжело вздохнула. Стырить елку, даже самую маленькую, было совершенно невозможно. Однако без елки возвращаться домой Сашенька была не намерена.

– Дядь, елочку подари, – вложив в свой голос как можно больше жалости, заканючила она и с мольбой посмотрела на торговца. До Нового года оставалось не больше трех часов, елки уже никто не покупал, и она рассчитывала, что продавец пойдет ей навстречу. Однако продавец пребывал в плохом расположении духа и на уступки идти был явно не намерен.

– А ну вали отсюда, сопляк! – крикнул он и отвесил ей

вполне ощутимый пинок под зад. Зимой, когда она ходила в лохматой шапке, объемном пуховике и массивных армейских ботинках, ее часто принимали за мальчика, но это ее несколько не раздражало, а было только на руку. Ее костюм был своего рода маскировкой: в образе мальчишки ей было проще слиться с толпой и не привлекать к своей персоне нежелательного внимания.

– Ну, дяденька, чего ты? – потирая ушибленное место, сказала Саша, поправила шапку-ушанку и со слезами на глазах посмотрела на своего обидчика.

– Чего, чего – ничего, – насупился торговец. – Если денег нет, нечего тебе здесь делать. Фиг тебе, а не елка! Завтра приходи.

– Дяденька, но Новый год ведь сегодня, а какой Новый год без елки, три часа ведь до двенадцати осталось, все равно ведь уже никто...

– Гони стольник, и получишь самую лучшую елку, – хмыкнул торговец.

– Но у меня нет стольника, – развела руками девушка.

– Тогда проваливай – я благотворительностью не занимаюсь.

– Я елку хочу! – грозно сообщила Саша и нахмурилась. – Не уйду, пока елку не подаришь! Новый год хочу с елкой встретить, и все тут!

– А я вот хочу Новый год без этих гребаных елок встретить, и все тут! – неожиданно заорал торговец. – Сиж тут,

как му-му последний, с елками в обнимку, пока все нормальные люди телик смотрят и старый год провожают!

– Так дай мне хоть одну – вон у тебя сколько еще осталось! – в ответ завопила Саша.

– Гони стольник и хоть все забирай! – упрямо сообщил торговец.

– Мне все не нужны, мне только одна нужна.

– А мне вот ни одной не нужно. Только бесплатно я тебе елку не дам!

– Да пошел ты со своими елками! – заорала Саша, развернулась и побрела в сторону дома, понуро опустив голову. У подъезда она вдруг остановилась и задумалась: денег у нее не было, ужина у нее не было, елки у нее не было тоже, но за пазухой лежал пакет с любимыми шоколадными конфетами, а дома, в холодильнике, томилась в ожидании холодная бутылка шампанского. «Круто! Встречу Новый год так, как это делают французы», – радостно решила Саша и широко улыбнулась. Как встречают Новый год французы, Сашенька понятия не имела, но шоколад и шампанское определенно должны были присутствовать на их праздничном столе, а мысль о том, что она так необычно встретит Новый год, ее невероятно приободрила. Влетев в подъезд, она в предвкушении удовольствия поскакала вверх по лестнице, открыла дверь своей квартиры и замерла на пороге с открытым ртом. В прихожей, раскачиваясь из стороны в сторону, стоял ее сосед с полупустой бутылкой шампанского и смущенно улыбался.

– Ты... ты... где это взял? – тыча пальцем в бутылку, потрясенно спросила Саша, хотя ответ был очевиден – сосед добрался до ее холодильника.

– С Но-вы-вы-м го-дом, – сказал сосед и икнул.

– Сволочь! Чтоб ты подавился! – закричала девушка и вылетела из квартиры.

Морозный воздух смягчил тугой комок подкативших к горлу рыданий. Саша вытащила из-за пазухи кулек с конфетами, достала одну, развернула фантик, засунула конфетку за щеку и побрела в гости к Лешке Свистуну. До Нового года оставалось около двух часов.

– Молодой человек, не подскажите, как мне проехать на улицу Юннатов? – окликнул ее кто-то, и она обернулась.

– Что? – переспросила она и с интересом уставилась на незнакомца.

Мужчина лет сорока пяти, дорого и стильно одетый, стоял рядом с роскошной иномаркой серебристого цвета, опирался о капот и лениво смотрел на нее. Однако заинтересовал Сашеньку далеко не его внешний вид и даже не то, что в их отсталом районе подобные типажи появлялись крайне редко: ее заинтересовал толстый бумажник, который совершенно бессовестным образом выглядывал из кармана его дубленки. «Я сегодня не работаю», – напомнила она себе, но воображение помимо воли уже рисовало картинку, как она кинет в лицо торговцу елками стольник и, получив-таки пахнущее смолой и хвоей пушистое дерево, гордо удалится...

Пожалуй, продавцу назло она две елки прихватит или даже три, или четыре... И в магазин она успеет заскочить, и еды успеет купить, и справит Новый год так, как хотела.

– Я спрашиваю, где улица Юннатов? У вас тут все таблички с указанием улиц посшибали, – прервал бурный поток ее мыслей незнакомец.

– Щас покажу, – широко улыбнулась Саша, подошла вплотную к мужчине и показала пальцем, как проехать на нужную улицу. Кстати, она проживала именно на ней. От души поздравила его с Новым годом и торопливо пошла в сторону елочного базара. Завернув в ближайшую подворотню, Саша раскрыла бумажник, с интересом заглянула внутрь и застыла с открытым ртом – в бумажнике лежала внушительная пачка долларов и несколько тысячных рублевых купюр. Такого богатого улова у нее еще не было! Она вытащила деньги, выкинула кошелек в сугроб и пересчитала свой доход. Две с половиной тысячи долларов и десять тысяч рублей – сумма была слишком велика, чтобы прыгать от радости, привлекая к себе внимание. Трясущейся рукой она сорвала шапку-ушанку с головы, затем сняла пуховик, вывернула его другой стороной, надела куртку и немного успокоилась. Теперь она была уже не мальчишкой в нахлобученной до носа лохматой шапке и синем пуховике, а милой девушкой с длинными темными волосами в ярко-оранжевой куртке. Довольная своей находчивостью и предусмотрительностью, она окончательно успокоилась и, радостно насвистывая, напра-

вилась за елкой. Разочаровывало только одно: торговец елками ее определенно не узнает, и бросить стольник ему в лицо уже не получится.

Елка была великолепа – пахла хвоей и исполнением желаний, – это была первая Сашенькина личная елка, и она несла ее, гордо подняв голову и улыбаясь во весь рот. В другой руке Сашенька сжимала полный пакет деликатесов, со скоростью света сметенных с полок ночного супермаркета, а карман ее куртки был полон приятно шуршащих купюр.

– Пьяный урод, – недовольно выругалась Сашенька, заметив, что дверь в квартиру не заперта. – Совсем тыква не соображает. Ну ничего, я с тобой еще разберусь. Фиг ты от меня денег на опохмелку получишь! Слышь ты, образина? – вопрос повис в воздухе, в комнате соседа тихо работал телевизор, президент читал свою поздравительную речь. – Ой, не успею! – воскликнула Сашенька, бросилась в свою комнату и, споткнувшись о что-то, упала на пол. Она не сразу сообразила, что произошло: в комнате все было перевернуто вверх дном, у окна стоял незнакомец из роскошной иномарки, которого она час назад лишила бумажника, ненавистный сосед лежал на полу с дыркой во лбу и широко открытыми немигающими глазами смотрел в потолок... А в соседней комнате били куранты, отсчитывая последние секунды Старого года

...

– Спокойно, – тихо сказал мужчина и сделал шаг в ее сторону, – я сейчас... – договорить он не успел: Сашенька при-

шла в себя, вскочила на ноги, схватила елку, со всей силы ткнула ею мужчину в лицо и бросилась вон из квартиры. – Стой! – закричал мужик и кинулся следом.

Она вылетела из подъезда и понеслась сломя голову по двору – преследователь не отставал, за спиной слышались его тяжелые шаги, его хрипловатое дыхание, в ее ушах гремел стук собственного сердца. Впереди она увидела высокий забор – это был путь к спасению, секунда – и она была наверху... Но он успел схватить ее за ботинок и с силой потащил вниз – она не удержалась и упала в снег. Мужик рывком поставил ее на ноги, схватил за плечо и развернул к себе лицом. Его щека была в крови, глаз слезился, губа распухла...

– Стой спокойно! – резко сказал он, пытаясь отдышаться.

– Пусти, дяденька, – заплакала она. – Я тебе все отдам. Не надо меня убивать.

– Послушай меня... – вкрадчиво сказал мужик.

– Я слушаю, слушаю очень внимательно, – залепетала Саша и, изловчившись, ударила мужика со всей силы коленом в пах – мужик дико взвыл, выпустил ее плечо и, скорчившись, рухнул на землю. Девушка ловко перемахнула через забор и растворилась в темноте.

* * *

В полумраке подъезда сверкнули два желтых глаза. Мягко ступая по лестнице, к ней подошел тощий полосатый кот

и, выгнув спину, потерся о штанину. Сашенька ласково почесала кота за ухом и тяжело вздохнула.

– С Новым годом тебя, полосатик, – тихо сказала девушка, и маленькая слезинка выкатилась из ее глаза. Саша озябшей рукой смахнула слезу, аккуратно подняла кота, посадила себе на колени и прижалась щекой к его пушистой мордочке. – Жрать, наверное, хочешь? Я бы тебя угостила конфеткой, но ты вряд ли шоколад уважаешь. Так что не обессудь – предложить мне тебе нечего. Я ведь теперь тоже бездомная, как и ты. Как я вернусь домой, если в моей комнате труп соседа лежит? А ведь труп этот менты на меня повесят, кто с бывшей детдомовкой церемониться будет? Это ж надо так вляпаться, блин! Сама виновата, дура! Грех в Новый год воровать. И вот результат – тиснула бумажник у того, у кого совсем не следовало, – ругала себя Сашенька, мучительно пытаясь ответить на остро волнующие ее душу вопросы – кто сей субъект такой и каким образом этот гад ее так быстро вычислил? Ясно пока было только одно: мужик, которого она сначала приняла за полного лоха, совершенно определенно таковым не являлся. – Предположим, он крутой мафиози, они известные любители из себя положительных строить, – рассуждала вслух Сашенька, почесывая кота за ухом. – Нет, это маловероятно. За каким фиггом крутого мафиози в наш занюханый район занесло? Да и не стал бы он никого убивать за какие-то две с половиной тысячи зеленых. Наркобарон? Тоже не по-

хож. Кто же тогда? – Вдруг у Сашеньки в голове мелькнула страшная догадка, она вскочила на ноги, уронив с колен кота, и округлила глаза. Кот с удивлением посмотрел на Сашу и недовольно мяукнул. – Блин, полосатый, кажется, я знаю, кто он такой. Он самый настоящий шпион!!! Точно, точно – говорок у него был своеобразный, с еле заметным акцентом. Ой, мамочки мои, как страшно-то! Замутила я бодягу – теперь не выпутаться! Не нужны ему были бабки. Не за гринами своими он приходил, что для шпиона две штуки баксов – фигня. Бумажник ему нужен был, который я у него умыкнула, а в бумажнике том, наверное, шифры и коды секретные! Поэтому он меня так быстро и вычислил – для шпиона это не проблема. Теперь надо бумажник этот найти и... – Дальше мысли Сашеньки потекли в двух разных направлениях.

В ее голове появилось сразу два варианта выхода из сложившегося положения. Первый вариант подразумевал, что она, как патриотка своей страны, сдаст бумажник в соответствующие инстанции, несомненно, получит орден или, по крайней мере, благодарность, и это радостное событие определенно решит проблему с трупом в ее пользу: отважную защитницу отечества уже не посмеют обвинить в смерти соседа. Вариант казался Сашеньке идеальным, за исключением одного «но» – объяснить в милиции, каким образом бумажник шпиона попал к ней, и не вляпаться при этом в еще одну скверную историю – было очень сложно. Второй вариант был противоположен первому: она найдет бумажник, изучит

его содержимое, выяснит адрес или телефон загадочного мужика, свяжется с ним, каким-нибудь хитрым образом передаст ему бумажник, например, сообщит код ячейки, где он будет лежать, и на время исчезнет. Шпион получит то, что ему необходимо, поймет, что она не опасна, успокоится и отстанет от нее. Конечно, проблему с трупом это не решало, но внушало надежду на то, что она, по крайней мере, останется жива.

– Пока, кот! – крикнула девушка, вылетела из подъезда и побежала в сторону дома, в подворотне которого выкинула бумажник.

Празднование Нового года было в самом разгаре. Народ, оторвавшись от обильных новогодних столов, толпами повалил на улицу, прихватив с собой недопитую выпивку и купленные заранее китайские салюты и петарды. Небо взрывалось разноцветными брызгами, все смеялись и радовались – только Сашеньке было не до смеха: надежда на то, что она найдет кошелек, была очень слабой.

Она добежала до нужного места, кинулась к сугробу и вздохнула с облегчением. Бумажник, слегка припорошенный снегом, лежал там же, где она его выкинула, и как будто ждал ее возвращения.

– Повезло, – радостно констатировала Сашенька, открыла кошелек и принялась с увлечением вынимать из него все, что там находилось.

Первым делом она вытащила водительские права, прочитала имя и фамилию владельца и ошарашенно осела на снег. Документ гласил, что таинственного мужика зовут Михаэль Крюгер, а место проживания значилось как Франция, Париж. «Точно, шпион! Накаркала, блин! Хотела встретить Новый год по-французски, и вот тебе, пожалуйста – встретила с французом», – подумала Сашенька.

– Хорошо еще, что его не Фредди зовут – кошмар на улице Юннатов, серия номер один, – нервно хихикнула девушка и вновь полезла в кошелек.

Далее из бумажника на свет белый были извлечены кредитки, визитные карточки, распечатки банкоматов о снятии наличных и прочая мура, по мнению девушки, не представляющая никакой ценности для специальных органов. Наконец она наткнулась на сложенный вчетверо листок. С легким волнением она развернула бумагу, не сомневаясь ни секунды, что нашла то, что нужно, заглянула в него, прочитала первые строчки и... буквы запрыгали у нее перед глазами и волосы зашевелились на голове.

– Господи! – взвизгнула девушка и выронила лист из рук.

Глава 3

Вечная любовь и конопушки

Сашенька разлепила глаза, облизала пересохшие губы, с трудом оторвала от подушки голову и, заметив рядом с собой лохматую шевелюру незнакомого субъекта мужского пола, резко села на кровати. Предметы интерьера комнаты запрыгали перед глазами, к горлу подступила тошнота. «Где это я?» – усиленно потирая виски, ужаснулась Сашенька, еще раз с опаской посмотрела на незнакомца и попыталась восстановить в памяти события вчерашнего дня. Спустя минуту Сашенька, к своему ужасу, поняла, что рядом с ней мирно посапывает Лешка Свистун и на его лице играет загадочная улыбка! В душе ее мгновенно возникло страшное подозрение, что прошлой ночью они...

– Ах ты, скотина! – закричала Сашенька и со всей силы лягнула Лешку ногой.

Лешка от неожиданности свалился на пол, полусонный, вскочил на ноги и занял боевую стойку, ошарашенно оглядываясь по сторонам. Наблюдая за Свистуном, Сашенька отметила, что на Лешке надеты «семейные» трусы и носки. Она засунула руку под одеяло и погладила себя по бедру – ее трусики, скрытые под длинной футболкой, тоже были на ней, это обнадеживало. Однако выяснить истину было необходи-

мо.

– А ну колись, гоблин: было у нас что или нет? – пытливо глядя в его одуревшие глаза, спросила Сашенька и демонстративно сложила руки на груди.

– Сань, ты это – спокойно только, – залепетал побледневший Лешка и попятился к окну. – Как ты, ваще, могла такое?.. Я ведь не того... Я ведь никогда бы... Я прилег просто рядом, не на полу же спать!

– Почему я почти без одежды? – продолжила допрос Саша.

– Так ты это, – замялся Лешка, – в общем, отрывалась ты вчера по полной.

– Подробнее, – потребовала Саша.

– Ты что, правда, что ль, ни фиги не помнишь? – с сомнением спросил Лешка.

– Да помню я все! – раздраженно выпалила Сашенька и нахмурилась. – Я пришла к тебе, а у вас тут сейшн в самом разгаре – второй день Нового года отмечаете. Села я за стол, опрокинула водки самую малость, а потом... потом... потом я и правда ничего не помню, – озадаченно сказала Сашенька и покраснела. – Леш, водички дай, пожалуйста, а то во рту все пересохло.

Свистун схватил со стола бутылку кока-колы, протянул ее девушке и опять отошел к окну. Сашенька в мгновение ока выхлебала полбутылки, удовлетворенно вздохнула и с любопытством посмотрела на Лешку.

– Ну и? – спросила она. – Что было потом?

– А потом ты погнала всякую ботву, что ты что-то натворила и жить тебе осталось недолго, потому как Фредди Крюгер плотно висит у тебя на хвосте, и ты, типа, чудом от него слиняла, двинув ему по носопырке елкой. Потом ты сказала, что хочешь последние дни своей жизни провести достойно, выпила еще водки и стала показывать нам разные фокусы. Круто у тебя получилось, всем понравилось. Правда, потом мы, типа, напряглись: у всех без исключения с рук часы исчезли. Мы тебя очень вежливо попросили их вернуть, но ты построила из себя полный наивняк и, клятвенно заверив всех, что не имеешь к этому делу никакого отношения, сняла с себя джинсы и свитер, передала свои вещи на осмотр и, послав всех на хрен, завалилась спать. Короче, колбаснуло тебя не по-детски. Видно, ты уже обкуренная к нам привалила – я так понимаю.

– Ни фига ты не понимаешь, – тяжело вздохнула Сашенька, – я вообще не курю, а Крюгера не Фредди зовут, а Михаэль. Короче, этот француз зачем-то моего соседа убил и теперь ищет меня, потому что я у него бумажник подрезала. Хотя это я так сначала думала. Бумажник ему не нужен, ему именно я нужна, потому что он еще раньше знал, как меня зовут, и явно ехал ко мне домой.

– Ты это, Сань, – испуганно залепетал Лешка и присел на край кровати, – температура, может, у тебя? Что-то тебя заклинило надолго.

– Нет у меня никакой температуры, – разозлилась Саша. – Куртку мою принеси.

– Ты что, уходишь? – расстроился Лешка.

– Ага, щас куртку поверх футболки и трусов наброшу – и уйду из твоей жизни навсегда. У меня в кармане бумажник Крюгера лежит, и я хочу тебе все доступно объяснить.

Озадаченный Лешка удалился в прихожую. Сашенька встала, натянула джинсы и напряженно задумалась: что же теперь ей делать? Лешка вернулся еще более озадаченный, держа в одной руке Сашину куртку, а в другой – пачку долларов.

– Из куртки выпали, – растерянно глядя на Сашу, сказал Свистун и присвистнул. – Так это что, все правда, что ли? Сань, ты что, действительно попала?

– А ты думал, у меня бесповоротно башню сорвало? Попала, не то слово. Домой мне нельзя, у меня в комнате труп соседа, и еще этот француз меня зачем-то ищет.

– Из-за бумажника? – спросил Лешка и передал куртку Саше.

– Я так поначалу думала. Когда я его в своей квартире обнаружила, то решила, что он за бумажником своим пришел. Я ноги в руки – и слиняла. Сижу в подъезде и плачу, с котом разговариваю. Думаю: кто он такой, почему меня так быстро вычислил? Потом мне мысль пришла, что надо бумажник найти, выяснить, как его зовут, и попытаться этот кошелек

ему вернуть, чтобы он от меня отстал. Открываю бумажник, а там, – Саша достала кошелек, выудила из него листок и протянула Свистуну.

Лешка с интересом заглянул в бумагу и с удивлением поднял брови.

– Что за фигня? Тут твоя фамилия и адрес!

– А я тебе про что? Значит, еще до того, как я у него бумажник тиснула, он уже знал, как меня зовут и где я живу? Короче, пока я шиковала на его денежки, затовариваясь продуктами и елками, он грохнул моего соседа, устроил в моей комнате погром и остался ждать меня.

– Зачем он устроил в твоей комнате погром?

– А я знаю? Я ничего не понимаю, Леш! Ясно одно, он от меня не отстанет и будет меня искать. Бежать мне надо, Леш. Квартиру снять в другом районе. Но для начала имидж сменить полностью, чтобы меня никто не узнал. Бабки у меня теперь есть, так что это не проблема.

– Ты это, Сань, можешь у меня пока перекантоваться. Мать из санатория только через месяц вернется, так что хата свободна, – загадочно прошепелявил Лешка, застенчиво улыбнулся и с вожделием посмотрел на Сашу.

– Леш, ты вот мне что скажи, – лукаво усмехнулась Саша. – Почему ты все-таки завалился со мной в постель, если у тебя двухкомнатная квартира и в соседней комнате есть еще одна кровать? – Сашин вопрос поставил Свистуна в тупик, он залился краской и откровенно засмутился. – Так

вот, гоблин, если ты обещаешь вести себя достойно и не приставать ко мне, то, так и быть, я приму твое предложение.

– Договорились, – разочарованно буркнул Лешка, тяжело вздохнул и направился в другую комнату.

– Ты куда? – спросила Саша.

– Куда, куда, звонить я пошел, – задумчиво ответил Свистун.

– Кому? – поинтересовалась Сашенька.

– Ленке-парикмахерше и Гарику. Ты же это, как его – имидж сменить хочешь? Ленка тебя подстрижет, она в крутом салоне работает, а Гарик мерки снимет и шмотки тебе клевые из какого-нибудь бутика приволочет. Не волнуйся, он берет всего пятьдесят процентов, зато одета будешь, как мажорка, – хмуро объяснил Лешка.

Гарик был профессионалом своего дела, работал он только под заказ и обслуживал в основном деток богатых родителей, которым позарез необходимо было получить понравившуюся дорогую кофточку или брючки, а папеньки и маменьки, измученные постоянно растущими потребностями своих чад, наотрез отказывались выдавать им нужную круглую сумму. Экономия была существенной: желающему воспользоваться услугами Гарика необходимо было лишь сообщить ему адрес магазина, порядковый номер или код товара, указанный на ценнике, и заплатить ровно половину от цены вещицы.

– Ты чудо, Лешенька, – ласково сказала Саша и лучезарно

улыбнулась разомлевшему от похвалы Свистуну.

Уладив все дела, Лешка вернулся и заходил по комнате взад-вперед, напряженно нахмутив лоб.

– Леш, ты чего? – озадаченно спросила Сашенька, наблюдая за странным поведением поклонника.

– погоди, подруга, я думаю думаю, – ответил Лешка и замер посреди комнаты. – Вот что, нам от трупа надо избавиться, пока его менты не обнаружили. Ночью пойдем к тебе на квартиру и...

– Свистун, ты в своем уме! – испугалась Саша. – Наверняка его уже нашли, я дверь-то не закрыла. А потом, как мы... Как ты вообще себе это представляешь? Он уже второй день там лежит.

– Не перечь мне, женщина! – рявкнул Свистун и сурово посмотрел на Сашу. – Ты что, хочешь на какой-нибудь воючей зоне сгнить за просто фиг?

– Нет, – пискнула девушка.

– Тогда будешь делать то, что я тебе скажу, – решительно сказал Лешка. – Загрузим труп в тачку, я уже присмотрел одну во дворе, отвезем за Кольцевую дорогу и закопаем где-нибудь в лесу. Ты же сама говорила, что у него родственников нет? Значит, его никто не хватится в ближайшее время. А через месяц ты в милицию заявление напишешь: ушел, мол, пьяный сосед за бутылкой – и пропал. Ну че, круто я придумал?

– Ой, Леш, страшно мне. Чует мое сердце, беда будет, –

прошептала Сашенька.

– Будь спок, Сань, все сделаем как надо, – успокоил ее Лешка, сел на кровать и обнял девушку за плечи.

Она действительно успокоилась, расчувствовавшись, поцеловала Свистуна в небритую щеку и резко сбросила с себя его руку, которая медленно и верно ползла по направлению к ее груди.

Ленка-парикмахерша прибыла к Лешке Свистуну сразу после ухода Гарика, который, сняв с Сашеньки все мерки, отправился на промысел в московские бутики. Сашенька видела Ленку впервые, и то, что она увидела, ей совершенно не понравилось: выкрашенные в ультрафиолетовые и розовые цвета, торчащие в разные стороны волосы, убийственно-яркий макияж, накладные ресницы, наращенные ногти пугающей длины, блестящая кофта, оголяющая проколотый пупок, кожаная мини-юбка, колготки в крупную сетку и лаковые ботфорты на высоких шпильках. Лена была похожа скорее на дешевую проститутку, но никак не на стилиста из крутого салона, и у Сашеньки возникло непреодолимое желание немедленно отказаться от ее услуг.

– Лешик, – презрительно разглядывая Сашу и интенсивно чавкая жвачкой, пропела Леночка. – Где ты эту соплю откопал? Ты что, хочешь статью за совращение малолетних схлопотать?

– Я бы на твоём месте не особенно выступал, если не хо-

чешь в табло получить, – угрожающе сказал Свистун и хмуро посмотрел Леночке в глаза.

Однако Леночка даже не смутилась.

– Эх, Лешка, – притворно вздохнула она, – как коварны стрелы Амура. А я-то, я-то, дура, уже решила силиконом себе сиськи ради тебя накачать.

– Лен, ты че, ваще, – растерялся Лешка. – Разве у нас...

– Мужчины ничего вокруг себя не замечают, – перебила Свистуна Леночка, опять притворно вздохнула, хихикнула и посмотрела на Сашеньку уже не презрительно, а вполне дружелюбно. – Что же, фактура интересная, – вынесла она свой вердикт. – Если напрячь фантазию, можно из этой нимфетки сделать человека. Тебя, значит, Сашкой зовут? Ну, Александра, приступим. Знаешь поговорку – «Ничто не красит женщину так, как перекись водорода»? Так вот, будем перекрашиваться в блондинку!

– Может, не надо, – робко попыталась возразить Саша, с тоской глядя на свои длинные темно-каштановые волосы.

– Не волнуйся, солнышко, тебе пойдет, – ласково сказала Леночка и погладила девушку по голове щеткой для волос.

Во время работы Лена почти не разговаривала, она напевала себе под нос нашумевшую песню группы Тату «Нас не догонят» и пританцовывала в такт. Тема песни была так актуальна, что через полчаса Сашенька уже вовсю подпевала стилистке, изредка прерываясь на «далекий посыл» любопытного Лешки, который настойчиво пытался ворваться

в комнату и недовольно бухтел под дверь. Несколько раз Лена водила Сашеньку в ванную смывать краску, но и здесь Лешке не везло, потому что голова девушки была тщательно завернута в полотенце. Руки Леночки, такой грубой и вульгарной с виду, оказались на удивление легкими и нежными. С первых минут Саша ощутила какое-то необъяснимое томление во всем теле, расслабилась, и ей стало все равно, что в итоге сотворит с ее волосами стилистка. Сашенька подумала даже, что клиенты Леночки, несомненно, толпами валят к ней в салон, лишь бы еще раз ощутить на себе эти ласковые прикосновения и магию ее пальцев.

Вернулся Гарик, Лена вышла к нему, забрала сумку с новенькими вещами, бросила ее на кровать и занялась Сашенькиным лицом. Закончив с макияжем, Леночка отошла от девушки на несколько шагов, склонив голову набок, внимательно рассмотрела результат своих трудов и удовлетворенно вздохнула.

– Ну что же, осталось тебя одеть во все новое, и можно демонстрировать мальчикам, – сообщила Лена, раскрыла сумку и вытрясла на кровать ее содержимое. – Неплохо, – придиричиво разглядывая новые вещицы, сказала Леночка. – Удивительно, он даже о нижнем белье не забыл! Похоже, Лешке придется раскошелиться на кругленькую сумму.

– Я сама плачу за себя, – заморожено глядя на вещи, сообщила Сашенька. – Лешка просто мой друг. Так что ты не волнуйся, Лена, у меня с ним ничего... – истерический хо-

хот стилистки прервал Сашино объяснение.

– Ну ты даешь! – хохотала Леночка. – Господи, откуда ты такая взялась? Дикость какая! Я просто прикалывалась, ду-
реха. Знаешь, сколько мне лет – 35, а Лешке всего 23. Он
друг моего младшего брата!

– Сколько, сколько?! – ошарашенно переспросила Саша:
Леночке даже 30 лет можно было дать с большим натягом.

– Неважно, – немного успокоившись, сказала Лена. – Сни-
май свою одежду и одевайся уже. Хватит стоять как статуя.
Ты что, стесняешься меня? – улыбнулась Лена, ухватила
за Сашину футболку и попыталась стянуть ее с девушки.

– Не надо! – неожиданно закричала Саша, нервно отстра-
нила Лену, одернула футболку, но стилистка успела заметить
уродливый шрам на теле девушки.

– Господи! – потрясенно выдохнула Лена. – Прости...
Прости, я не хотела... Прости...

– Да фигня это все, – тихо ответила Саша. – Клеймо ба-
ловницы.

– Что?! – потрясенно переспросила Лена.

– Ерунда, говорю. Ерунда, понимаешь? Забудь.

– Ты... одевайся – я не буду тебе мешать. Я выйду, а когда
оденешься...

– Нет, нет, не уходи! – остановила ее Саша. – Мне одной
с этим шмотьем вовек не разобраться. Здесь столько всего!

– Хорошо, я тебе помогу. Давай сейчас не будем экспери-
ментировать. Одевай вот эти черные узкие брючки и черный

кашемировый свитерок под горло – это будет очень эффектно. Смотри, как Гарик удачно обувь подобрал – длинные ботиночки на шнуровке – их под любую одежду можно носить. А полушубок-то какой роскошный! Чебурашка, а как стильно выглядит. И расцветка эта всегда актуальна – леопардовый рисунок. Я в окошко пока посмотрю, а ты одевайся, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Сашенька. – Даже страшно. У меня в жизни столько вещей красивых не было! Знаешь, Лен, я ведь в детском доме воспитывалась, а нас там редко баловали. Это не в смысле, что мы старье носили – нет. Спонсоры у нас щедрые были, только вот вещи, которые они для нас купали... В общем, не всегда то, что нравилось, приходилось носить. Я думала, выйду на волю и сразу куплю себе то, что мне захочется... Но ты знаешь, Лен, ведь всю жизнь за меня все решали, и я так к этому привыкла... Помню, деньги у меня появились. Пришла на рынок, кругом шмоток – море, все такое красивое, яркое, а я стою, смотрю на это изобилие и рыдаю, как белуга. Торговка одна ко мне привязалась: что, да как? Я ей ситуацию объяснила, а она, прикинь, оказалась на редкость сердобольной, пожалела и впарила мне самый неходовой товар... Ой, какой свитер мягкий, и брючки по размеру! Короче, так и живу... Лен, я готова. Пойдем скорее к зеркалу, я умираю от любопытства, очень хочется посмотреть, что ты со мной сотворила. Ну как я тебе? погоди, у тебя тушь потекла, дай-ка я тебе аккуратненько ее вытру.

Дверь в комнату с шумом распахнулась, и на пороге появилась угрюмая физиономия Лешки.

– Вы, блин, чего, ночевать тут решили? – недовольно буркнул он и замер с открытым ртом. Выражение лица у Свистуна было таким странным, что Саша занервничала.

– Что, плохо, да? – робко спросила она, чувствуя усиленное сердцебиение в груди.

– Э... – ответил Лешка, немного помолчал и добавил: – Э...

Ответ Сашеньку не удовлетворил, она оттолкнула Лешку от двери, вылетела в другую комнату, подошла к зеркалу и резко отшатнулась. Из зеркала на нее смотрела совершенно незнакомая ей красивая девушка с короткой стильной стрижкой. Русые пряди разных оттенков были небрежно уложены вокруг лица, мягкий макияж в бежево-персиковой гамме, шоколадные аккуратные бровки, правильный контур губ – в ней изменилось все, и даже разрез глаз – в ее зеленовато-карих глазах появилось что-то восточное, экзотическое.

Сзади подошла Лена, набросила ей на плечи полушубок и улыбнулась.

– Лен, это не я! – потрясенно выдохнула Сашенька.

– Ты, ты, а кто же еще. Я решила сыграть на контрасте, твой образ называется «Блондинка с Востока». По-моему, неплохо получилось, – похвалила себя Лена. – Свистун до сих пор в коридоре стоит и ждет, когда к нему вернется дар

речи.

– Ее образ называется – «Дитя папочки-банкира», – заржал с порога Гарик, разглядывая Сашу. – Ну, Леночка, сегодня ты превзошла саму себя! Сашенька, ты обворожительна – короче, даю на все шмотки дополнительную скидку в 25 процентов. Хотя, если честно, напряжно было – впервые вещи выбирал на свой вкус.

– Вкус тебя не подкачал, – вернула ему комплемент Леночка.

– Конопушки, – отодвинув Гарика, прогудел Лешка, и все с удивлением на него посмотрели.

– Что – конопушки? – спросила Лена.

– Хорошо, говорю, что конопушки остались, – объяснил Свистун, с обожанием глядя на Сашеньку.

– Почему? – растерялась девушка.

– Ну, это... Короче... Неважно, в общем... – сбивчиво залепетал Лешка и вылетел из комнаты.

– Ах, вот оно что! – рассмеялась Леночка. – Свистун, оказывается, у нас эстет и обожает девушек с конопушками на носу. Ты, Сашка, попала! Вывести с носа эти милые звездочки практически невозможно, поэтому ты обречена на его вечную любовь. Ладно, пойдем чайку попьем, и я поучу тебя, как пользоваться косметикой.

– Это бесполезно, – тяжело вздохнула Саша.

– Это элементарно, солнышко, ничего сложного здесь

нет, – подбодрила девушку Лена, взяла Сашу за руку и не без усилий отлепила ее от зеркала.

Глава 4

Кошмар на улице Юннатов

– Лешка, окно в моей комнате не горит, – прошептала Саша. – Все, бросай тачку, и делаем ноги.

– Подумаешь, не горит, может, лампочка перегорела, – возразил Свистун. – Раз уж приехали, надо сходить посмотреть, опечатана квартира или нет. Ты подожди пока в машине, а я поднимусь на твой этаж и гляну.

– Да пошел ты на фиг! – заорала Саша. – Я что, идиотка, по-твоему, чтобы в угнанной тачке сидеть?

– Да что ты дергаешься, ее хватятся только под утро. Я же специально отследил: фраер этот на рогах приехал, жены у него нет, так что спит он. Я быстро туда – и обратно.

– Вместе пойдем, – решительно заявила Сашенька и на ватных ногах вышла из машины.

Лешка, недовольно бурча себе под нос далеко не литературные выражения, тоже вышел из машины и направился вслед за Сашей к подъезду. Они поднялись на один этаж и остановились на лестничной клетке.

– А вдруг там засада? – возбужденно зашептала Сашенька. – Больно уж тихо на моем этаже.

– А ты что хотела, времени-то – два часа ночи, – недовольно сообщил Свистун и для убедительности и не без гордости сунул ей под нос свой фальшивый «Ролекс».

– Ладно, я пошла, – храбро заявила Саша и на цыпочках поднялась еще на один этаж. Лешка пошел следом. Дверь квартиры опечатана не была. Саша осторожно подергала ручку и с ужасом посмотрела на Лешку. – Ничего не понимаю, кто-то дверь на ключ запер!

– Может быть, она сама захлопнулась? – предположил Свистун.

– Ни фигя подобного, этот замок только ключом можно закрыть.

– Открывай давай, – потребовал Лешка. Саша вытащила из кармана ключи, трясущейся рукой вставила ключ в замок и повернула – раздался приглушенный щелчок, и дверь со скрипом приоткрылась. Они долго стояли и молча смотрели в темноту. Сделать первый шаг было страшно...

– Пошли, а то нас кто-нибудь из соседей зажопит, – решил наконец-то Лешка и, вспомнив, что он – мужчина, галантно подтолкнул Сашу вперед.

Они вошли в квартиру, плотно прикрыли дверь и прислушались. Было тихо, только на кухне противно капала вода из крана и в такт каплям ритмично тикали настенные часы.

– Свет не включай, я фонарик прихватил, – дал указание Лешка, и в тишине коридора громко взвизгнула молния его куртки.

– Ка-ка-кой ты пре-пре-дусмотрительный, – стуча зубами, сказала девушка и ухватила Лешку за рукав.

Лешка включил фонарь. На цыпочках они пошли по ко-

ридору, под ногами неприятно скрипели половицы и нервно перемещались их тени. Дверь в комнату Саши была приоткрыта, Лешка мужественно толкнул ее и осветил фонарем темноту. Луч света хаотично скакнул по интерьеру и сконцентрировался на полу. В груди у Саши что-то булькнуло, подкатило к горлу и вырвалось на волю громким фальцетом. Лешка хрюкнул от неожиданности, выронил фонарь из рук и со всей силы зажал ей ладонью рот и нос. Фонарь укатился к противоположенной стене комнаты, стукнулся о плинтус и погас – стало темно.

– Включи свет, слева на стене выключатель, – отодрав Лешкину руку от лица и тяжело дыша, попросила Саша и осела на пол. Лешка щелкнул выключателем, огляделся и удивленно посмотрел на Сашу. В его глазах стоял немой вопрос. – Что уставился? – огрызнулась девушка, потом смущенно посмотрела на Свистуна и робко ткнула пальцем в пол. – Леш, он здесь лежал, в этом месте, честное слово! Ничего не понимаю! В комнате все вверх тормашками было перевернуто, а теперь все чисто. Значит, его все-таки менты обнаружили. Меня посадят, Леш, – завывала Сашенька. – Меня посадят!

– Да погоди ты сопли распускать, – рявкнул Свистун. – Квартира не опечатана, раз. В комнате все убрано, два. Где это видано, чтобы менты перед своим уходом порядок наводили?

– А где моя елка? – еще громче завывала Саша, оглядывая

комнату. – У меня елка была!

– Ты че, Сань, – с опаской глядя на Сашу, спросил Свистун. – Какая, на хрен, елка? Нам бы с трупом разобраться. Может, он просто ранен был? Оклемався, может?

– Нет, он был совсем мертвый! По-настоящему мертвый. Труп, одним словом.

Лешка вышел в коридор и распахнул дверь соседней комнаты.

– У-е! Ну и вонь, – крикнул он и зажал себе нос. Саша взвизгнула и решила потерять сознание, но потом передумала и спросила застенчиво:

– Он там, да? Уполз в свою комнату и умер?

– Нет его здесь. Бутылки, консервы открытые – гадюшник, одним словом.

Саша с трудом поднялась на ноги, заглянула в комнату соседа и удостоверилась, что трупа там действительно нет. Потом удовлетворенно кивнула, икнула, раскачиваясь из стороны в сторону, добрела до кухни и уселась на табуретку. Лешка тем временем вошел в азарт и начал самостоятельный осмотр квартиры. Тщательно обследовав ванную, туалет, все шкафы и подкроватные пространства, он вернулся на кухню, тоже уселся на табуретку напротив Саши и озадаченно пожал плечами.

– Ты еще в коридоре не смотрел, во встроенном шкафу, – сказала Саша, встала и вышла из кухни. Скрипнули дверцы шкафа, и раздался душераздирающий вопль девушки.

– Че, че такое?! Труп нашла? – вылетев из кухни в коридор, завопил Лешка.

– Нет, – прошептала девушка.

– Тогда что ты орешь? – разозлился Свистун.

– Его зимняя куртка пропала, шапки и ботинок тоже нет.

И еще мой любимый шарфик исчез, он всегда на этом гвозде висел. Ой, что-то мне нехорошо! Труп моего соседа убрался у меня в комнате, оделся и ушел в неизвестном направлении, прихватив с собой мой шарф и елку!

– Ты меня уже достала с этой елкой! Что за... – гневную речь Лешки прервал звонок в дверь. Саша подпрыгнула от неожиданности, Свистун побледнел.

– Он пришел, – тихо выдохнула Сашенька.

– Кто? – побелевшими губами спросил Лешка.

– Труп, – округлив глаза, сообщила Саша.

– Дура, – округлив глаза, выругался Свистун.

Звонок в дверь повторился, Лешка подлетел к окну в кухне и осторожно выглянул из-за занавески во двор.

– Саш, там у подъезда патрульная машина стоит, и около угнанной тачки два мента крутятся.

– Все, – обреченно вздохнула Саша, – меня посадят за убийство и угон личного автотранспорта!

– Бежать надо, – решительно заявил Свистун. – Давай в окно выпрыгнем. Всего-то третий этаж...

В дверь заколотили ногами, Сашенька опять подпрыгнула, Лешка схватил ее за руку и потащил в комнату соседа,

окно которой выходило на противоположную сторону. Они распахнули убогий стеклопакет, Саша забралась на подоконник, перекрестилась и собиралась уже прыгнуть, но тут до ее уха долетел хриплый, прокуренный голос соседки Татьяны.

– Ах ты, пьянь подзаборная! – басила соседка из-за двери. – Открывай, а то милицию вызову! Сашка, с тобой все в порядке? Сейчас я репу ему начищу. Ишь ты, говнюк, решил сироту забижать!

– Со мной все в порядке, тетя Таня! – крикнула Сашенька и бросилась в прихожую. Дверь распахнулась, и в квартиру, мстительно сверкая красными воспаленными глазами, влетела внушительного вида бабища с двумя бигудюшками на ярко-рыжих волосах и папиросой «Беломор» во рту. Лешка отступил на пару шагов назад и вжал голову в плечи.

– Кто ты такая? Где Сашка? – сверля девушку суровым взглядом, грозно спросила женщина.

– Тетя Таня, это же я, Саша, – робко объяснила девушка. – Прическу сменила.

– Ой, не признала, – растерялась женщина. – Что это за метаморфоза с тобой приключилась? Ну-ка, дай я тебя рассмотрю как следует, – соседка деловито прокрутила Сашу вокруг своей оси, причмокнула губами, выражая тем самым свое восхищение, отпустила девушку и, ткнув «беломориной» в притихшего Лешку, надменно спросила: – А это что за субъект? Хахаль, что ли?

– Это мой друг, тетя Таня.

– Друг, значит, – продолжая с подозрением разглядывать Лешку, хмыкнула женщина. – А чего ты орала так, будто тебя убивают? Может, друг этот тебя обидел чем? Так я ему сейчас в миг рога поотшибаю, – с угрозой в голосе сказала тетя Таня, глубоко затянувшись, выдула мощную струю сизого вонючего дыма в потолок и сделала шаг по направлению к Свистуну.

– Нет, нет, тетя Таня, – успокоила женщину Саша. – Он хороший. А орала я, потому что мышь увидела в коридоре. Извините, что разбудила.

– Ничего страшного, – подобрела женщина. – Я не спала. Бессонница у меня, ты же знаешь. Ладно, раз у тебя все в порядке, тогда я пойду. Я-то чего решила – что тебя быдла эта алкоголическая обижает. Кстати, вернулся он уже или нет?

– Откуда? – ошарашенно переспросила Саша.

– Так ты не знаешь разве? В Саратов он уехал, – объяснила женщина, уронив пепел от папиросы себе на тапок.

– К... к...огда? – заикаясь спросила Сашенька, ощущая в висках пульсирующие удары сердца и легкий озноб во всем теле.

– Так прямо в Новый год. Вышла я часа в два ночи на лестницу, чтобы мусор выкинуть, а соседка твоя на лестнице сидит...

– К...к...ак сидит?

– Как, как, – хмыкнула соседка, – как мешок с дерьмом! Пьяный он был шибко, ничего не соображал. Сидит, значит,

шапка набекрень, шарф до носа замотал и глаза на меня тарашит. Я как на его рожу глянула, меня аж всю перекосило. Синий весь от водки своей проклятущей. Я ему – с Новым годом, а он пялится на меня и молчит, в елку вцепился.

– Что?! – закричала Сашенька и вся разом вспотела.

– Во-во, я тоже удивилась. Потом из квартиры вываливается еще один такой же красавец. Тоже в ноль, походка враскоряку, будто его кто про меж ног со всей дури ударил. Хотя одет прилично вроде был, но морда... Вся щека поцарапана, фингал под глазом и губа отвисла до подбородка. Я его спрашиваю – ты кто? А он говорит, что брат троюродный. Что, дескать, они много лет друг друга искали и вот наконец нашли, вместе Новый год и это радостное событие отметили и не рассчитали малость. Сейчас, говорит, передохнем пару минут и поедем. Я спрашиваю, куда? А он говорит, что решили они родственников навестить своих в Саратове, и, мол, у них и билеты уже на поезд куплены. Я его спрашиваю – а елка-то вам зачем? А он отвечает, что для устойчивости. Во, блин, алкаши! Елка для устойчивости им нужна! Потом он дверь закрыл на ключ и тоже на лестнице присел.

– А дальше что было? – заикаясь и потея все сильнее, спросила Сашенька.

– Ушли, наверное. Надоело мне с ними разговоры разговаривать, и я домой пошла. Ладно, не буду больше тебя отвлекать. Значит, не вернулся еще. Передай, как вернется, чтобы столыжник отдал, месяц уже как должен.

– Ну да, ну да, тетя Таня, не волнуйтесь, как только он вернется, так сразу... Я, правда, сама должна отъехать ненадолго, но как только вернусь, так сразу...

– Ой, Сашенька! – всплеснула руками женщина. – Женщина одна тобой интересовалась, все выспрашивала – где ты? Когда дома будешь?

– Это, наверное, из попечительского комитета, – предположила Саша.

– Ну, я не знаю, может, и из комитета, – несколько неуверенно сказала соседка.

– Толстая такая каракатица с кулебякой на голове, да? – уточнила Саша.

– Да нет. Высокая она была. Блондинка, средних лет. Важная, видно. Шуба длинная, дорогая. Как актриса она выглядела.

– Странно, – удивилась Саша. – А что она говорила?

– Сказала, что дело у нее к тебе какое-то срочное есть, а вот какое это дело – не сказала. Телефон, правда, свой оставила. Просила, чтобы ты обязательно ей позвонила, – соседка достала из кармана маленький листок и передала Саше.

– Тетя Таня, я временно по другому адресу буду жить, – сообщила Сашенька и засунула листок в карман. – Так что вы не волнуйтесь, если меня долго не будет.

– Что ж, дело молодое, смотри, на свадьбу не забудь пригласить, – улыбнулась соседка, затушила папиросу о подошву тапки, положила окурок в карман халата и, не сказав боль-

ше не слова, удалилась.

Саша проводила соседку, плотно прикрыла дверь и озадаченно обернулась к Лешке. Тот топтался в коридоре, косился на Сашу странным взглядом и тактично молчал.

– Что? – раздраженно выпалила Саша. – Ты думаешь, мне все это приснилось?!

– Ну, почему же обязательно приснилось... – крикнул Свистун.

– За дуру меня принимаешь, да? – пошла в наступление Сашенька.

– Ну почему же обязательно за дуру... Хотя... Но ты не переживай, видишь, как хорошо все закончилось. Сосед твой в Саратов к брату свалил...

– Идиот! Нет у него никакого брата, и никуда он не сваливал! На лестнице сидел труп моего соседа, поэтому у него и лицо синее было – не от водки, а от смерти! А этот его внезапно возникший из ниоткуда так называемый брат – и есть Крюгер! – Саша помолчала какое-то время, потеряла виски и с мольбой посмотрела на Свистуна. – Лешенька, Крюгер зачем-то украл труп моего соседа. Боже мой! Что же делать?

– Да за каким хреном Крюгеру труп? Он что, во Францию его с собой решил прихватить, как сувенир из Москвы! – разозлился Лешка.

– Потому что Крюгер этот – сумасшедший маньяк! Мало ли что в голове у маньяка! – завопила Саша. – А ты, гoblin, если мне не веришь – можешь уматывать к себе домой. Я и

без твоей помощи обойдусь – понятно?!

– Да верю я тебе, что ты разоралась, как потерпевшая, – нахмурился Лешка.

– Тогда пошли скорее отсюда. У него ведь теперь ключ от моей квартиры есть. Придет и ужокошит нас, как котят.

– Тебя ужокошишь, как же, – недовольно пробурчал Лешка, прошел на кухню и выглянул в окно. – Менты уехали. Только нам придется обратно пешкодралом добираться, хозяйка свою тачку забрала.

– Хозяйка?! – вытаращила глаза Саша. – Ты же сказал, что фраер... что пьяный... жены нет, и все такое?..

– Это я тебя успокоить хотел, чтобы ты не нервничала, – искренне объяснил Свистун и так же искренне удивился, получив от Сашеньки подзатыльник.

Уставшие и измученные, они закрыли дверь квартиры на ключ, спустились вниз, вышли из подъезда, огляделись, прошли несколько шагов и... Каким образом Свистун оказался в сугробе, он так и не понял. Рядом лежала Сашенька, уткнувшись носом в сугроб, и не шевелилась.

– Че это было? – растерянно спросил Свистун, выплевывая изо рта снег. Сашенька не реагировала. – Ты чего?! – испугался Лешка. – Чего ты?! Ты чего?!!

– Тихо, идиот, – прошипела Сашенька, отлепив лицо от снега. – Там машина Крюгера стоит. Все, Лешка, нам хана!

– Дура, – разозлился Лешка. – На хрена ты башку в сугроб засунула? Нужно было просто мимо спокойненько пройти, и

он не обратил бы на тебя внимания. А теперь! Ты хоть врубаешься, что после такого акробатического фортеля он нас однозначно засек?

– Сам дура! – неуклюже огрызнулась Сашенька. – Это я от неожиданности. Только не похоже, чтобы он нас засек. Почему тогда он из машины не выходит?

– «Дурой» меня еще никто и никогда не называл, – обиженно засопел Лешка. – Не уважаешь, да?

– Кретин, – поправилась Сашенька, Лешка сразу успокоился и настроился на деловой лад.

– А ведь и правда, почему он из тачки не выползает? Может, его вообще в машине нет? – предположил он, осторожно выглядывая из-за сугроба. «БМВ» стоял в тридцати метрах от их убежища и был освещен уличным фонарем. Лешка пригляделся и узрел темный силуэт водителя. – Да нет, он там, – опроверг он свою версию. – Только...

– Что – только? – нетерпеливо спросила Сашенька, которая уже стала понемногу коченеть.

– Не шевелится он чего-то... И поза какая-то странная у него. Сань, ты будешь удивлена, но, кажется, он спит!

– Не может этого быть! – растерялась Сашенька. – Притворился и ждет, когда мы... Когда мы из сугроба вылезем, чтобы взять нас тепленькими.

– Скорее холодненькими, – хмыкнул Лешка. – Еще пять минут, и дуба дадим однозначно. Фигня это все. Точно, дрыхнет. Короче, я скоро.

– Ты куда? – задыхаясь от волнения, спросила Сашенька.

– На кудыкины горы, воровать помидоры, – загадочно сообщил Лешка, насыпал себе на голову снега, вероятно, для маскировки, активно работая озябшими конечностями, ловко перелез через сугроб и пополз в сторону парковки серебристого «БМВ».

* * *

– Сань, ты как, после вчерашнего отошла? – спросил Лешка, заботливо поставив перед Сашей большую чашку с растворимым кофе и тарелку с бутербродами.

Сашенька, облаченная в свою длинную футболку и полосатые носки, сидела в кухне на табуретке, поджав под себя ноги, и задумчиво смотрела в окно. Не обратив ни малейшего внимания на нависшего над ней Лешку, девушка механически отхлебнула кофе, сняла с хлеба колбасу и элегантно отправила ее в рот. Свистун разочарованно плюхнулся на соседний стул и обиженно нахмурился. За свой героический поступок – утомительное приготовление завтрака – он заслуженно ожидал от Сашеньки горячего поцелуя, но не получил даже элементарного «спасибо». Поведение девушки возмутило его до глубины души. «Как она может?!» – удрученно думал Лешка. Как может она оставаться такой равнодушной после всего, что он для нее сделал? Вчера он рисковал своей жизнью, чуть не отморозил себе... Впрочем, неважно, что

конкретно он чуть не отморозил, но, окоченевший и продрогший, он влез в машину к страшному убийце Крюгеру, который, к счастью, крепко спал, и спер у него...

– С хлебом ешь, нечего колбасу напрасно переводить, – сварливо посоветовал он и закурил, раскачиваясь на стуле.

– Угу, – рассеянно согласилась Сашенька, сняла очередной кружок колбасы с хлеба и отправила его в рот.

Свистун разозлился еще больше и резко отодвинул от нее тарелку с бутербродами. Сашенька не реагировала. Лешка подумал минуту, ему стало стыдно, и он опять придвинул тарелку к девушке.

– Я больше не хочу, спасибо, – поблагодарила Саша и отодвинула тарелку от себя.

– Ешь давай. Ты что, думаешь, мне какой-то колбасы для тебя жалко? – вернув тарелку в исходную позицию, пробурчал Лешка, затушил сигарету и прикурил новую.

– Леш, ты очень много куришь. И вообще, тащи сюда еженедельник француза. Пора его внимательно изучить. Вчера я так ничего из его каракулей и не поняла, – лениво изрекла Сашенька, быстрым движением выдернула сигарету из Лешкиного рта и затушила ее в пепельнице.

От такого нахальства у Свистуна перехватило дыхание и свело челюсть. Сашенька этого не заметила. Она допила свой кофе, встала, с наслаждением зевнула, грациозно потянулась, обернулась и с улыбкой посмотрела на Лешку. Сви-

стун демонстративно выудил из пачки сигарету, закурил и выдохнул дым в ее сторону, всем своим видом показывая, кто в этом доме хозяин.

– Козел, – пропела Сашенька и покинула кухню.

Вернувшись с еженедельником, Сашенька присела рядом с Лешкой, и они начали изучать его, методично перелистывая страницу за страницей. Органайзер был исписан вдоль и поперек: какие-то даты, схемы, фамилии, имена, адреса, стрелочки, знаки вопросов – все было написано на французском языке.

– Тут без переводчика не разобраться, – устало сказал Лешка и потер покрасневшие от напряжения глаза. – Я, к сожалению, только по-английски умею.

– Тут и переводчик фиг поможет. Сокращения одни, – продолжая листать, нахмурилась Сашенька. – Чем он, блин, занимается? Стоп, Лешка! Смотри, написано: Moscow, номер рейса и дата. 23 декабря он забронировал билет до Москвы на 29 декабря. Леш, а вот и моя фамилия, – взволнованно залепетала Сашенька.

– Тут не только твоя фамилия, вот и еще три. Открывай 29 января, – потребовал Лешка, сам пролистал несколько страниц и с удивлением посмотрел на Сашу. – Смотри-ка, Сань, теперь он по-русски пишет. Пылеглот, твою мать.

– Не пылеглот, а полиглот, – поправила Сашенька.

– Один фиг, – отмахнулся Лешка. – Шмотки, 30 января, опять твоя фамилия, только уже с адресом, где-то выяснил, гнида!

– Леш, кроме моей, есть еще три фамилии, они уже и раньше встречались. Стрелки какие-то, знаки вопросов... А вот эти буквы «Д.Д.» и «ОП» – напротив фамилий. Что они означают?

– Юлия Качалина, Лариса Головина и Алина Репина – тут адреса только двух баб указаны, а Юлия Качалина в кружок обведена, адрес еще не выяснил, наверное. Опять же, напротив твоей фамилии стоит – «Д.Д.», напротив фамилии Ларисы Головиной тоже стоит «Д.Д.», а вот напротив имени Алины Репиной стоит «ОП». Ты в списке под номером один, Лариса Головина под номером... Сань, ты куда? – удивленно прошепелявил Лешка, когда Саша резко спрыгнула со стула и на всех парах устремилась в другую комнату.

– Одеваться, дятел! – крикнула Сашенька из другой комнаты. – Я еду навестить Ларису Головину, которая в списке стоит под номером два. Надо с ней поговорить, может, она знает, что происходит?

– Я с тобой поеду, – оживился Лешка и бросился одеваться.

Сашенька спорить не стала, и через десять минут они уже стояли на обочине шоссе, пытаясь поймать попутку.

Глава 5

Ларочка

Главной достопримечательностью квартиры, расположенной на пятом этаже дома номер 13, был цветной телевизор «Рубин» последней модели. На фоне засаленных полосатых обоев некогда голубого цвета, заляпанной полированной стенки, купленной по случаю у алкоголички из соседнего подъезда, желтого потолка и трехрожковой старомодной люстры, ставшей братской могилой насекомых – телевизор в интерьере смотрелся вещью инопланетной, чуждой, потому что сиял тщательно протертым от пыли экраном и пластиковым корпусом.

Ларочка сделала звук громче и, повторяя про себя, как заклинание, магическое число 35, нетерпеливо заерзала на диване.

– 68, – с широкой улыбкой сообщил ведущий, и Ларочка заорала во все горло:

– Уроды! Дебилы! Козлы!

Продолжая посылать оскорбительные высказывания в адрес популярной в народе программы, она нервно скомкала лотерейный билет, кинула его на пол и недовольно поморщилась, глядя на часы. Ведь ей пришлось встать в такую рань, чтобы не пропустить очередной тираж! Потом она выключила телевизор, натянула себе на нос плед и попыталась

уснуть. Но сон не шел, обида и злость мешали ей расслабиться. Опять ей не повезло, а ведь счастье было так близко, остался всего один не зачеркнутый номер, всего лишь один! Вот если бы выпало 35, тогда... Хотя... даже 35 уже не спасло бы положения. Что ей какие-то копейки, когда ей был нужен по меньшей мере миллион. Никак не меньше миллиона...

Ларочке Головиной было 19 лет от роду. Она была недурна собой, имела длинные темные волосы, глаза цвета спелой вишни и пышные формы красавиц с нетленных полотен Рубенса. Проживала она одна, в однокомнатной квартире, в старой панельной хрущевке, и страстно желала разбогатеть. Это вполне понятное любому смертному желание преследовало Ларочку с детства. Когда большинство детей мечтало в своих снах о плюшевых мишках, конфетах и мороженом, Ларочка грезила о волшебных разноцветных бумажках с циферками, в обмен на которые в магазине можно было купить все. С возрастом желание иметь много денег приняло форму фобии. Целыми днями Ларочка лежала на диване в своей запущенной квартире, смотрела телевизор и кусала себе локти от злости и зависти к тем, кто был богат и добился успеха. Особенно Ларочка не переваривала холеных супружниц богатых мужей, которым в жизни не нужно было ни работать, ни напрягаться – ведь напрягаться ради чего-либо Ларочка просто ненавидела.

Старый продавленный диван был местом ее постоянно-

го обитания. Вставала она с него редко, чаще для того, чтобы открыть дверь и впустить Вовку Симакова из соседнего подъезда, который заживал к ней уже год и щедро платил за ее любовь лотерейными билетами и продуктами. Вовка был женат, разводиться не собирался, но Ларочку это совсем не угнетало. Никаких далеко идущих планов относительно своего поклонника она не строила, о чем открыто призналась его жене, когда та, узнав о неверности супруга, пришла навестить соперницу. Их мимолетная «тихая» встреча, о которой сразу же узнал весь дом, была единственной. Оставив под красивым Ларочкиным глазом смачный фингал и записав свое конкретное мнение относительно Ларисы на стенах ее подъезда, Вовкина супруга удалилась и больше не приходила. Видимо, ее вполне удовлетворило откровенное объяснение Ларочки, что она собирается в самое ближайшее время выиграть миллион, прикупить элитную квартирку где-нибудь в тихом центре Москвы и переселиться туда без Вовки, но вместе с удобным стильным диваном, который она уже давно присмотрела в крутом мебельном салоне, расположенном недалеко от станции ее метро.

Так Ларочка и жила, и все в этой жизни пока что ее устраивало: удобный любовник, полное обеспечение, знакомый диван, телевизор, ожидание больших денег, мечта о новой квартирке, злость по отношению к великим мира сего, но... вдруг что-то пошло не так. Покладистый Вовка неожиданно переменялся и стал более требовательным. Раньше Ла-

рочке даже в постели удавалось избежать активности: Вовка, сраженный ее неземной красотой, делал все сам и был доволен. Но в последнюю неделю секс стал просто невыносим: несколько дней подряд именно ей пришлось ублажать его, и это, конечно же, вымотало и напрягло ее сверх меры. На этом Вовка не успокоился. Пару дней назад после секса любовник имел наглость потребовать приготовить ему поесть, намекнул, что неплохо было бы соблюдать чистоту в квартире и нахально попросил, чтобы она научилась гладить рубашки. Возмутительное поведение Вовки очень сильно нервировало Ларочку. Ей стало казаться, что она попала в заколдованный круг: общаться с поклонником было невыносимо, но выгнать она его не могла – без Вовки с его лотерейными билетами ни о каком миллионе не могло быть и речи.

С мыслями о ненавистном Вовке она промучилась до вечера, так и не уснув и не придумав план выхода из тупика. Голод заставил ее наконец-то подняться с дивана. Она сунула ноги в тапки и поплелась на кухню ставить чайник, чтобы приготовить себе супчик из пакетика. На большее Ларочка была не способна.

Звонок в дверь застал ее в прихожей.

– Кто там еще? – недовольно пробурчала она и посмотрела в глазок.

– Здравствуйте, – вежливый голос по ту сторону двери удивил ее. – Скажите, пожалуйста, Лариса Головина здесь проживает?

– Ну да, это я, – подтвердила Ларочка. – А вы кто?

– Мне необходимо поговорить с вами, Лариса. Дело в том, что я нотариус, и мне поручено найти вас и известить относительно завещания, которое оставила вам ваша дальняя родственница. Вам завещана очень крупная денежная сумма, Лариса!

– А я ведь знала, знала, что так будет – предчувствие у меня было, – потея от захвативших ее эмоций, залепетала девушка и широко распахнула дверь, совершенно не стесняясь того, что стоит в одной ночной рубашке. – Проходите, а я сейчас, только халатик наброшу и вернусь. Чай, кофе, желаете? Может, покушать хотите? Я могу мясо пожарить. Как неудобно получилось – у меня сегодня не убрано. Приболела я. Но вы на это не обращайтесь внимания, на самом деле я всегда поддерживаю идеальную чистоту, только вот сегодня не... Ага, все правильно – дверь как следует закройте. Много тут всяких уродов шастает. Время опасное, надо быть осторожной! Так я оденусь? Вы только не уходите, я мигом, – попросила девушка и бросилась в комнату за халатом...

* * *

К дому Ларисы Головиной ребята подъехали, когда уже совсем стемнело. Шел мокрый липкий снег, было промозгло и сыро.

Дверь подъезда была распахнута, над потолком уныло

раскачивалась от сквозняка тусклая лампочка, пахло кошачьей мочой и тухлятиной, под ногами неприятно скрипели осколки разбитой бутылки.

Впрочем, Сашенька не обратила на это никакого внимания: она и сама проживала в таком же загаженном подъезде, в такой же унылой пятиэтажке и в таком же поганом районе, с одной лишь разницей, что район этот находился в противоположном конце Москвы.

Оставив Лешку около подъезда, Сашенька зашагала вверх по лестнице, машинально читая надписи на стенах. На четвертом этаже она растерянно остановилась. Одна стена была посвящена исключительно одной женщине с очень знакомым именем. Сначала шли пошлые объяснения в любви: «Лариса плюс Вова равно Любовь», или «Лара, будь моей навеки, твой Вован», но потом пошли надписи другого содержания, и Сашеньке от неприятных предчувствий стало нехорошо: «Ларка – оборванка!», «Детдомовская подстилка», «Интернатская шлюшка, убирайся обратно в детдом»...

На пятом этаже открылась и закрылась дверь, кто-то торопливо стал спускаться вниз, бурча себе под нос тихие ругательства:

– Мерт, дерьмо, твою мать...

Сашенька сразу узнала этот голос, попятилась назад, оступилась, кубарем скатилась вниз на один лестничный пролет и распласталась на животе около мусоропровода.

– Боже мой, мадемуазель, вы не ушиблись? – обеспокоен-

но спросили ее.

– Все нормально, – тихо прошептала она, села и закрыла лицо руками. Рука стала мокрой и липкой: падая, она разбила себе нос.

– У вас кровь, – озадаченно сообщил мужчина, открыл окно лестничной клетки, собрал с подоконника немного снега, достал из кармана носовой платок, завернул в него снег и присел рядом с ней. Саша низко опустила лицо, пытаясь спрятаться за челкой. – Чтобы кровотечение прекратилось, нужно повыше запрокинуть голову и положить на переносицу что-нибудь холодное, – посоветовал он. – Давайте, я помогу. Поднимите голову, иначе вы испачкаете себе всю одежду, – мужчина взял ее за подбородок и попытался приподнять ее лицо.

– Не надо, – прорычала Саша и оттолкнула его руку. – Идите туда, куда шли, и оставьте меня в покое.

– Простите, мадемуазель, я ведь просто хотел помочь, – извинился он, насильно вложил ей в руку свой платок, поднялся и зашагал вниз по лестнице.

Звук его шагов уже давно затих, а Саша все сидела на грязном полу, держа в руке холодный платок убийцы, не в силах поверить в то, что Крюгер ее не узнал. Было очевидно, что француз вышел из квартиры Ларисы Головиной, и в душе Сашеньки зародились сомнения – а стоит ли проверять, что он там делал?

Пока девушка размышляла, как ей поступить, на пятом

этаже вновь открылась дверь. Она быстро вскочила на ноги, прижалась к стене и прислушалась. На лестничную площадку, тяжело шаркая ногами, кто-то вышел, потом послышался сухой кашель, свойственный курильщикам со стажем, чиркнула спичка, запахло дешевым табаком. Видимо, сосед вышел на лестницу покурить, решила девушка и подпрыгнула от неожиданности, когда старческий хриплый голос разорвал тишину подъезда.

– Ларка! Чаво дверь не закрываешь? Смотри, ща как мужики со всего района понабегут, потом не жалуйся! – старик мерзко захихикал, выкинул непотушенный окурок на лестницу, пошаркал к соседской двери, открыл и зашел в квартиру. – Ларка! Дверь закрой, кому говорю. Где ты, твою мать? – Некоторое время было тихо, но спустя минуту раздался дикий истерический крик: – Убили!!! Ограбили!!! Милиция!!! Караул!!!

Саша сорвалась со своего места и сломя голову бросилась вниз по лестнице, чуть не сбив с ног Свистуна, который, услышав шум, помчался ей навстречу. Они выскочили на улицу, добежали до какого-то слабоосвещенного двора, плюхнулись на деревянные ящики, сложенные у служебного входа в продуктовый магазин, и постарались отдышаться.

– Что случилось? – спросил Лешка, обеспокоенно глядя на Сашу, точнее, на ее распухший нос.

– Все очень плохо, Леш, – обреченно сообщила Саша и

рассказала Лешке все, что произошло.

– Да, полный трендец, – внимательно выслушав Сашу, тяжело вздохнул Свистун и почесал макушку. – А я видел, что какой-то мужик из подъезда выходил, но Крюгера не узнал. Когда я в машину к нему лазил, лица его не разглядел, он спал, положив голову на руль.

– Узнал, не узнал, какая разница! Получается, что тот список, отмеченный у него в еженедельнике, – это список обреченных на смерть. На смерть, Лешенька! И самое ужасное, что я в этом списке стою под номером один. Он всех нас приговорил. За что? Почему я попала в этот список? И вот что странно: Лариса эта тоже воспитывалась в детском доме, как и я. Вероятно, буквы «Д.Д.» – означает детский дом. Этот сумасшедший француз зачем-то убивает бывших детдомовок и всех, кто мешает ему это осуществить. Но на этом он не успокаивается и ворует трупы. Боже мой, Лешенька, он действительно Крюгер! Самый настоящий Крюгер из фильма! Может быть, у него раздвоение личности?

– По поводу раздвоения личности – ничего сказать не могу, кроме того, что оно начинается от задницы. Извиняюсь, я не психиатр. А вот версию относительно бывших детдомовок можно легко проверить. Завтра нужно к этой, как ее, ну, к бабе под номером три, к Алине Репиной смотаться. Только я один к ней поеду, а ты меня будешь ждать дома.

– Вот еще! – возмутилась Сашенька.

– Что значит – вот еще! Неужели не понимаешь, что, если

ты опять с ним нос к носу столкнешься, он тебя узнает и прибьет. Так что не выступай, будешь ждать меня дома.

– Но он не просто убивает и трупы тырит – он еще что-то ищет. Сосед Ларисы кричал: «Ограбили», видно, в ее квартире тоже было все перевернуто вверх дном, как и у меня. Фигня какая-то. Предположим, что француз – не сумасшедший маньяк и список этот не случаен. А он не случаен, потому что наши фамилии замелькали в его еженедельнике еще до его приезда в Москву. Выходит, что у кого-то из нас троих есть что-то, что ему нужно позарез. Одно могу сказать наверняка – у меня точно нет того, что ему нужно, поэтому умирать за просто так мне совсем не хочется. Адреса-то он уточнял уже в Москве, похоже, меня с кем-то перепутали, Лешка.

– Может, и перепутали. Демидовых в Москве наверняка полно. Но если нет? Ты уверена, что у тебя нет того, что ему нужно? Сань, подумай? От родителей, может, что осталось?

– От каких родителей, Лешка? Я из детского дома!

– Но это ведь не значит, что тебя в капусте нашли?

– Да, это не значит, что меня в капусте нашли, – разозлилась Саша. – Это значит, что моя мать была последней сукой. Проституткой! Нагуляла меня непонятно от кого и бросила на произвол судьбы.

– Она жива?

– Нет, умерла от передоза в каком-то притоне. Но я ей до сих пор не могу этого простить. Она должна была позабо-

титься обо мне! Ты не представляешь, как я жила. Мне теперь и ад не страшен, потому что я через него уже прошла. И помогла мне в этом моя «образцово-показательная» школа-интернат! Смотри! – нервно крикнула Саша, трясущейся рукой расстегнула полушубок и подняла кверху свитер.

– Что это? – растерялся Лешка.

– «Клеймо баловницы» называется. Директор наш мне отметку на всю жизнь оставил. Это след от его ремня! Металлическая пряжка глубоко рассекла мне кожу на животе, и этот уродливый шрам на всю жизнь теперь останется.

– За что? – потрясенно спросил Лешка.

– Булку из столовой украла, потому что жрать хотелось! Я чуть не умерла от боли. Две недели отлеживалась. А врачиха наша, заклеив мне рану пластырем, сказала, что если я буду выступать, то она мне обезболивающее не даст, потому что я тварь последняя и баловница. – Саша вдруг пришла в себя, смутилась и растерянно посмотрела на Свистуна. – Прости, Леш. Прости меня. Я не хотела тебя грузить, само собой вырвалось.

Он не удержался, притянул ее к себе и обнял. Она не сопротивлялась и, уткнувшись в его широкую грудь, тихо заплакала.

– Все будет хорошо, Сань, – нежно шептал он и неуклюже гладил ее по голове своей грубой ладонью. – Ты, это, не реви только. Всех урою, блин! Никому не дам тебя в обиду, честное слово. Хочешь, поеду в твой детдом и всем там репу

начищу? Я ведь это, ты не думай... Я ведь тебя того самого, по-настоящему. Жениться даже готов.

– Ты очень хороший, Леш, – печально вздохнула Сашенька, вытерла слезы кулаком и отстранилась от Свистуна. – Я тебе благодарна за все, но замуж я не собираюсь. Я вообще, Леш, замуж не выйду никогда. Куда мне, с таким безобразным шрамом на животе? Я все понимаю, Леш, ты ведь из жалости сейчас мне замуж предлагаешь, а завтра... Ой, Леш, чуть не забыла. У меня для тебя подарочек небольшой есть, – радостно сказала Сашенька, залезла в карман полушубка, и в ее руке блеснули мужские часы с кожаным ремешком.

– Ты что, уперла у француза часы? – с ужасом глядя на Сашу, прошептал Свистун.

– Ага, не удержалась, когда он мне платок свой протягивал, – с гордостью сообщила Сашенька. – Симпатичные, правда? Позолоченные, с красными камушками, ремешок из натуральной кожи – сразу видно, что это не какой-нибудь там Китай. Думаю, долларов двести стоят, не меньше. Правда, у них с обратной стороны на французском дарственная надпись, но ее можно...

– Дура! – завопил Лешка. – Ты хоть понимаешь, что натворила? А если бы он тебя засек?!

– Ну чего ты, Леш? А кто вчера в машину к нему лазил? Ведь не засек же, – залепетала Сашенька.

– Не засек же, – передразнил Лешка. – Башку бы тебе открутить за это! Да, к сожалению, нельзя открутить то, чего и

в помине нет. Ладно, пошли домой. Поздно уже.

– Лешенька, раз уж я их все равно уперла – может, примеришь? – заискивающе спросила Сашенька и преданно заглянула ему в глаза.

– Дома, – хмуро отозвался Свистун и встал.

– Хорошо, – покладисто согласилась девушка, – ты только не злись. И куртку застегни, а то заболеешь.

– Не заболею, тоже мне, нашлась мамка еще. За собой следи, сама вчера в сугробе полчасу валялась. А мне ваще по барабану мороз – я с детства закаленный, – угрюмо заворчал Лешка, демонстративно распахнув куртку еще больше, и, грубо схватив Сашу за руку, потащил девушку по направлению к шоссе.

Глава 6

Незапланированный осмотр

Старший следователь прокуратуры Сергей Петрович Анин пребывал в плохом расположении духа, все время угрюмо хмурился, был на удивление неразговорчив и необычно равнодушен к мелочам, что страшно удивило и экспертов, и оперативников. Причина его странного поведения, однако, была вполне понятна и объяснима. День его не заладился еще с утра, когда жена не дала ему опохмелиться – бессердечная, сварливая женщина – мать ее... его детей! И вот в тот счастливый момент, когда она уже под вечер неожиданно решила поехать к своей разлюбленной матери, прихватив с собой горлопанящих от возмущения сыновей, и уже собрала заранее приготовленные подарки и припрятанную на черный день записку... В тот счастливый долгожданный момент, когда за ней почти уже захлопнулась дверь на два с половиной дня, а в холодильнике осталась половина литровой бутылки «Столичной» – его так же неожиданно и бесцеремонно выдернули из дома, потому что к этому злополучному моменту все без исключения сотрудники как раз опохмелиться уже успели, причем так основательно, что для осмотра места преступления были пригодны лишь условно.

– Следов взлома на замке нет. Либо она сама дверь открыла, либо у убийцы был свой ключ, – сообщил кримина-

лист Георгий Левченко, худой высокий шатен с непропорционально длинными руками и носом. От криминалиста слегка пахло спиртным, и Сергей Петрович завистливо вздохнул. – Рассмотрим вариант, если она открыла дверь сама. Открыла она, значит, дверь,пустила убийцу и пошла в комнату, или они вместе пошли. Тут непонятно, то ли она одеться хотела, то ли раздеться – в ее руке халатик был зажат. Возможно, посетитель пришел неожиданно, и она не ждала его, судя по тому, какой срач у нее в квартире. Хотя и это под вопросом. Похоже, посуду девочка мыла раз в году – я и то чаще мою, – с гордостью добавил эксперт и продолжил: – В комнате все вещи раскиданы, такой бардак, что теперь фиг разберешь – сама она их раскидала или убийца что-то искал. Думаю, сама. Братъ здесь нечего. Нищая детдомовка, мечтающая разбогатеть, – это ж надо, столько билетов лотерейных закупить! Весь пол ими усыпан. Вот только если она все-таки выиграла, как ты думаешь? И преступник, узнав об этом, пришел, пустил ей пулю промеж глаз, забрал выигрышный билетик и смылся. А что, по-моему, резонно.

– Исключено, – возразил следователь. – Во-первых, такие, как она, в лотерею не выигрывают. Во-вторых – она сегодня с утра играла.

– Могла по инерции играть, – в свою очередь возразил Георгий. – Допустим, выиграла крупную сумму, но еще билеты остались, не выкидывать же? Или решила еще раз попытать счастья.

– Обрати внимание на сегодняшний билет: она его скомкала и бросила в угол комнаты. Это говорит о том, что она нервничала и злилась, то есть очень выиграть хотела, но ни фига не выиграла. Опять же, та сумма, ради которой можно убить, должна была внушить ей уверенность в завтрашнем дне, и сегодня она играла бы аккуратно и равнодушно.

– Вообще интересная подруга. В холодильнике полно продуктов, морозилка до отказа забита мясом, рыбой, ну, и так далее, но она, судя по помойному ведру, питалась исключительно супчиками из пакета и иногда – пельменями. Я сначала подумал, что она готовить не умела или не любила, потом смотрю: колбаса трех видов, сыр, ветчина – все лежит нетронутое, в упаковке, и уже почти испортилось. Поразительная лентяйка, ей даже бутерброд лень было себе сделать.

– Это точно, все соседи об этом говорят, – добавил оперативник Кирилл Олейников, молодой, прыщавый и робкий паренек, который вернулся в квартиру и присоединился к беседе после опроса соседей.

– Что еще говорят соседи? Кто ее содержал? – равнодушно спросил Сергей Петрович и опять завистливо вздохнул, потому что от Кирилла Олейникова тоже пахло спиртным.

– Владимир Симаков – он в соседнем подъезде живет. Он уже год к ней таскается, жена в курсе, но сделать ничего не может.

– Жена? – оживился следователь, ему хотелось быстрее

покончить с этим делом и отправиться домой.

– У нее алиби железное, соседи сообщили, что в данный момент она находится в роддоме, вчера на «Скорой» увезли. Весь дом в курсе, потому что орала она благим матом на всю округу, в частности, упоминая имя своего законного супруга Владимира и склоняя его на все лады. Владимир же в данную минуту допросу не подлежит, так как со вчерашнего дня пребывает в тяжелом и счастливом алкогольном угаре по случаю начавшихся родов своей супруги. Что-то не так, Сергей Петрович? – уловив перемену в лице следователя, насто-рожился оперативник.

– Все так! – рявкнул Анин и добавил: – Проверь. Пистолет ТТ – это тебе не просто...

– Не просто – что? – застенчиво спросил Кирилл.

– Ничего, – однозначно пояснил следователь. – Все про-верь.

– Само собой, – согласно кивнул оперативник. – Я понял, жена Владимира Симакова могла ее заказать.

– Молодец, соображаешь. Дальше, – потребовал следова-тель.

– А дальше все, – сообщил оперативник. – Никто ничего не видел и не слышал.

– Замечательно, – недовольно пробурчал Сергей Петро-вич. – Как всегда: все, что не нужно, видело полдома, все, что нужно, – никто.

– Короче, убийство с целью кражи исключаем, – подыто-

жил криминалист. – Но это сразу было понятно. Что здесь красть-то – грязные тарелки?

– Не нравится мне все это, – задумчиво сказал Анин. – Все здесь непросто. Все вроде бы и просто – но на самом деле вовсе нет. Опять же, ночнушка ее меня смущает. В области горловины вырваны с корнем две пуговицы. Убийца дернул ее за ворот – зачем?

– Ты думаешь, сексуальный мотив? – спросил криминалист. – Если это и так, то все элементарно. Хотел изнасиловать, но потом передумал или кто-то его спугнул.

– Ага, насильник испугался и с перепугу засадил ей пулю промеж глаз. Или еще лучше: сначала он выстрелил ей промеж глаз, потом решил изнасиловать, но в последний момент передумал, потому что с дыркой во лбу она уже не казалась ему такой притягательной и желанной, – желчно хмыкнул следователь. – Опять же, ночнушка из тонкой материи, почти прозрачная. Так вот, если бы ты, Жора, предположим, захотел трахнуть женщину и точно бы знал, что она, извиняюсь, без трусов? Как бы ты поступил? – спросил Сергей Петрович.

– Ну, я бы...

– Вот и я о том же, – перебил криминалиста следователь.

– Может, убийца хотел на ее грудь посмотреть? – робко предположил Кирилл и покраснел.

– Если бы он хотел посмотреть на ее грудь, то и остальные три пуговицы были бы оторваны, а так – только две верхние.

Значит, убийцу совсем не интересовали ни грудь убитой, ни то, что было у нее, извиняюсь, между ног. А интересовала его шея девушки, или то, что у нее было на шее. А вот что было у нее на шее, необходимо будет выяснить. Короче, сворачиваемся, ребята, и едем домой.

– А как же нам выяснить, что было у нее на шее? – растерялся оперативник.

– Фотографии ее посмотри, – посоветовал следователь, раздражаясь, что даже такие элементарные вещи ему приходится разжевывать.

– Так нет у нее фотографий-то, – встрял в разговор Георгий.

– Как нет? Не может этого быть, – не поверил следователь.

– Ни одной, – добавил для убедительности криминалист.

– Нехорошо, – тяжело вздохнул Сергей Петрович. – Нехорошо! Непросто все, ой, как непросто. Короче, ждем, пока Владимир Симаков проспится – и в прокуратуру его.

– Так, может, его в КПЗ пока отволочь? Там он быстрее в себя придет, – предложил Кирилл.

– Данный шаг считаю необоснованным, – хмуро отозвался следователь. – Негуманно это! У человека, можно сказать, радость – рождение первенца, а мы его – в КПЗ. Сострадание нужно иметь, Кирюша, сострадание к ближнему своему. И воздастся тебе за это на небесах, – с чувством произнес Сергей Петрович, и у Георгия Левченко вылезли глаза из орбит, а Кирюша подавился слюной и закашлялся. Следователь, од-

нако, не обратил на их реакцию ни малейшего внимания, так как был занят размышлениями о предстоящем вечере, вернее ночи.

– Сергей Петрович, – заглянул в комнату один из оперов. – Смотрите, что я нашел на четвертом этаже около мусоропровода. Платок носовой, со следами крови.

– Приобщаем к делу, – дал указание Анин. – Не исключено, что данный платок мог выронить убийца. Испачкал руки в крови жертвы, мыть побоялся, чтобы где-нибудь случайно не оставить своих отпечатков пальцев, вытер руки о платок и случайно сунул его мимо кармана.

– Резонно, – согласился Георгий, разглядывая находку. – Судя по размеру, платок мужской, значит, убийца был мужчиной, причем неплохо обеспеченным. Натуральный шелк, производство – Франция, в углу инициалы, вышитые вручную, – МК. Фу, пошлость какая, заворачивать сопли в платок с собственными инициалами! По поводу грязных рук позволь с тобой не согласиться. Такие пятна могло вызвать только кровотечение. Небольшое, но кровотечение. Мне кажется, что у него пошла из носа кровь.

– Подводим итоги и расходимся по домам, – сказал Анин. – Лариса Головина, бывшая воспитанница детского дома, сирота...

– Почему обязательно сирота, – возразил Кирилл. – В детском доме можно и при живых родителях попасть.

– Фактически она была сиротой. Выросла без матери и от-

ца, – уточнил Анин. – Короче, жила себе Лариса Головина, ни фиги не делала, только в лотерею играла и мечтала разбогатеть. Был у Ларисы женатый любовник, который ее содержал: покупал ей еду и лотерейные билетки. Вдруг, в один прекрасный день, к ней приходит убийца, предположительно – мужчина с хорошим достатком и слабыми сосудами, учитывая кровотечение из носа, стреляет ей в лоб из пистолета ТТ, забирает все ее фотографии и, возможно, что-то снимает с ее шеи... Короче говоря, Кирилл, ты выясняешь у Владимира Симакова про фотографии, может быть, она действительно не любила фотографироваться, и спрашиваешь, носила ли Лариса нательный крестик или любое другое украшение на цепочке. Как только все выяснишь – немедленно меня извести. Теперь все, – с облегчением вздохнул Сергей Петрович и захлопнул папку с протоколами.

Июль, 1987 год

«Что день грядущий мне готовит?» – нервно усмехнулась Нина, щурясь на солнце. Много раз она представляла себе этот момент, но не могла даже подумать, что все будет так по-будничному обыденно. Вот она, долгожданная свобода, но где же слезы радости, где бурные эмоции? В душе пусто. Она не чувствует ни облегчения, ни счастья. Как странно! И ничего не хочется, разве что курить. Неподалеку от нее притормозили новенькие синие «Жигули», из машины вы-

шел парень и вальяжным шагом направился в ее сторону. Высокий, светлая рубашка, небрежно расстегнутая на груди, модные джинсы, густые пшеничные волосы средней длины, яркие синие глаза... Красивый, дерзкий и совсем молоденький. Странно было видеть рядом с воротами колонии такого стильного типчика – в окружающий пейзаж парень вписывался с трудом. Впрочем, это мало волновало Ниночку. Появилась реальная возможность утолить первоочередную насущную потребность. Она приосанилась, поправила прическу и собралась с духом, чтобы стрельнуть сигаретку. Меньше всего сейчас ей хотелось, чтобы ее обхамили в ответ.

– Ты, что ль, Нина? – вдруг спросил парень, и Ниночка от удивления забыла, что хочет курить. – Пошли, – раздраженно скомандовал незнакомец, так и не дождавшись от нее утвердительного ответа.

– Куда? – совсем растерялась Нина. Похоже, грядущий день ей все-таки приготовил сюрприз, осталось надеяться, что приятный.

– Куда, куда! В машину, я ее у друга на время взял, чтобы тебя встретить. Ну, что встала? Я Томкин друг, – объяснил он и фамильярно подтолкнул ее к машине.

– Но Тома ничего мне...

– А Томка и не знает, – перебил ее парень. – Это ее мать попросила тебя встретить. Волнуется очень, как ты до их дома доберешься. Ну, блин, Тома в своем репертуаре! Это же надо додуматься, попросить подружку-зэчку приглядывать

за своим малолетним ребенком и больной матерью. – Он открыл ей дверь, обошел машину, сел за руль и стал бесцеремонно девушку рассматривать.

Нина смутилась, поправила воротник поношенной кофточки, откашлялась. Курить захотелось с новой силой. Он словно почувствовал это и бросил ей на колени пачку «Явы». Нина вытащила сигарету, прикурила от протянутой зажигалки, жадно затянулась, выдула дым в окно, сделала еще несколько быстрых и глубоких затяжек, расслабилась, откинулась на спинку кресла и от наслаждения прикрыла глаза. Программа-минимум на этот день была выполнена.

– Что, плохо без нормального курева было? – насмешливо спросил он.

– Плохо, – неохотно отозвалась Нина, отвечать на вопросы ей было лень.

– А без этого дела? – неожиданно шепнул он ей на ухо и положил руку на ее колено.

– Убери, – тихо, но настойчиво попросила она. Состояние блаженства от выкуренной вкусной сигаретки с фильтром растаяло, как дым.

– А ты ничего, – надменно сказал он, не обратив внимания на явные перемены в ее настроении. – Теперь я, кажется, начинаю понимать, чем ты Томку так зацепила, что она даже в квартиру матери тебя хочет прописать. Что же, зрелая женщина всегда найдет способ, как ублажить соплячку. Хорошо вам было вдвоем, Нина? – Он не сразу сообразил,

что произошло, просто его голова вдруг сильно стукнулась о руль, потом еще раз и еще раз... – Ты что, обалдела?! – ошарашено воскликнул он.

– Не скули, – равнодушно сказала Нина и выкинула сигаретный окурок в окно.

– Ты что, я тебя спрашиваю, делаешь, дура?! – по-прежнему надрывался парень.

– Уймись, я сказала, – холодно отозвалась Нина. – И не советую со мной шутить. Я ведь не за кражу булки из магазина сидела, а за попытку убийства. Знаешь, временами находит на меня что-то, не могу с собой справиться. По поводу Тома и наших с ней взаимоотношений ты свои сальные намеки брось. Тома для меня – самый близкий человек, и я сделаю все, о чем она меня попросила. Вопросы еще есть?

– Нет, – буркнул он себе под нос.

– Тогда заводи машину, и поехали. Ты, кажется, торопился сильно? Да, кстати, как тебя зовут? Когда ты подошел ко мне, важный, как павлин, то забыл представиться. Это было не очень-то вежливо с твоей стороны. Хотя постой, дай я сама догадаюсь. Томочка рассказывала что-то о своем ухажере, которому она открылась по большой любви, а он заложил ее, как последняя мразь. Сколько тебе заплатили за эту подлость, Влад?

– Вы ничего не знаете! – закричал он. – Не смейте! Слышите, не смейте меня обвинять! Я любил Тому. Мне поручено было только выяснить, где она спрятала золото, и уладить

некоторые проблемы. Ну да, я не сразу выложил перед ней все карты, но только в этом была моя вина перед ней!

– Бедняжка, – ехидно поддела его Нина. – Представляю твое разочарование, когда в тайнике ничего не оказалось. Томочка в последний момент перепрятала украшения.

– Она дура! – заорал Влад. – Ей надо было все вернуть! Ее никогда не оставят в покое.

– Так она все и вернула, – усмехнулась Нина. – Ты разве не знал? Поэтому ей и срок такой небольшой дали.

– Слушай, Нина, наивняк из себя не строй, ладно? Вернула она только то, что по учетным ведомостям проходило. Ее убьют, понимаешь? Повлияй на нее, пусть она все отдаст. Идиотка, на что она рассчитывает? Ты даже не представляешь, что это за люди! Да прекрати смотреть на меня, как на последнюю скотину. Ее посадили, а я за матерью ее приглядывал и за ребенком. Жратву им покупал, лекарства. Думаешь, приятно было за ними обеими горшки выносить и сопли подтирать?

– Что же, это было очень благородно с твоей стороны, но теперь, раз уж ты за мной приехал, отвези меня, пожалуйста, домой к Томе, и я освобожу тебя от этого тяжелого бремени. Я дала обещание, что позабочусь о них, пока Томочка в тюрьме, и собираюсь это обещание выполнить. И вот еще что, Влад: после того, как ты меня доставишь по нужному адресу, прошу нас больше не беспокоить. Думаешь, я не поняла, почему ты здесь? Хочешь через меня вычислить, где

Тома золото спрятала? Но у тебя ничего не выйдет, малыш. Во-первых, Тома меня в эти подробности не посвятила, во-вторых, даже если бы я все знала, то тебе никогда не удалось бы раскрутить меня так, как Тому. Я понятно объяснила?

– Сука, – тихо сказал Влад и нажал на газ.

– Вот и славненько, – усмехнулась Нина и добавила: – Что она в тебе только нашла? Просто удивительно! Неужели на смазливую мордашку купилась? Впрочем, ты действительно хороша. А фигура! Зарядку, наверное, каждое утро делаешь? Чудный, чудный мальчик. – Влад резко нажал на тормоз, машина нервно вильнула на дороге и чуть не съехала в кювет. – Что ж ты такой нервный? – рассмеялась Нина, бесстрашно глядя в его пылающее от ненависти лицо.

Да, неплохие уроки ей дали на зоне. Смотреть противнику смело в глаза, даже когда поджилки трясутся. Учили, учили, но, видно, недоучили. Глупо было его провоцировать. Она понимала это, но ничего поделать с собой не могла. Сейчас этот «милый мальчик» звезданет ее по физиономии, выкинет из машины, и придется ей добираться до Москвы пешком. Дура, сама виновата, дура, дура, дура... Она внутренне напряглась, размышляя, стоит ли сопротивляться и напоследок расцарапать мальчишке лицо или же принять все как должное и гордо удалиться. А дальше – так же гордо топтать по пыльной дороге, по жаре на станцию, потом пару часиков трястись в душной электричке, или сколько там до Москвы?.. Мда, перспективка... Пожалуй, все-таки следует

на прощанье расцарапать эту смазливую рожу, решила Ниночка и приготовилась с обороне.

Влад внезапно переменялся, посмотрел на нее так, словно она стала для него центром вселенной, рывком притянул к себе и поцеловал в губы – нежно, требовательно, искусно. Мир перевернулся вверх тормашками, закружилась голова, и она непроизвольно подалась ему навстречу.

Он так же резко оттолкнул ее и расхохотался. Да, он знал себе цену и легко продемонстрировал ей все свои достоинства. Какая сволочь, однако! Такой идиоткой она не чувствовала себя уже давно, разве что на суде, когда плела полную ахинею про вокальные данные супруга и помутнение рассудка. Но это было гораздо легче, чем рассказывать всем, как ее муж, член... партии, принимает у своих студенток экзамен по истории КПСС.

– Больше никогда не смей называть меня чудным мальчиком, поняла? Я этого терпеть не могу, – сухо сказал Влад, довольный своей победой, и вновь нажал на газ. Пускай радуется, подумала Ниночка, отвернулась к окну и решила больше не провоцировать амбициозного юношу. – Да, кстати, – очень скоро Владу ехать в тишине стало скучно, – Томкина мать говорила, что тебе уже тридцатник? Ты неплохо выглядишь для своих лет! А если тебя отмыть и причесать, то... В общем, ты, конечно, старовата для меня, но если вдруг захочешь развлечься – звони, я уважаю женщин в годах. Томка, например, тоже меня на два года старше...

– Слушай, заглохни уже. Мне плевать, кого ты там уважаешь. Двадцатитрехлетние сосунки совсем не в моем вкусе, – резко осадила его Нина: мальчишка действовал на нее, как красная тряпка на быка.

– Да? – ехидно воскликнул Влад. – А мне только что показалось иначе. Или тебе после трех лет воздержания все равно, с кем?

– Ты мне надоел! – сорвалась Нина. – Достал! Кретин безмозглый! Самовлюбленный болван! Лучше бы я поехала на поезде! Господи, за что мне такое наказание? Только вышла – солнышко светит, травка зеленеет, мне бы радоваться и спокойно наслаждаться свободой. Нет же, и двух шагов от зоны не успела отойти, и вот тебе, пожалуйста – искушение вернуться обратно по той же самой статье!

– Да ладно тебе, – миролюбиво прервал он ее. – Хоре беситься, я же просто пошутил. Лучше о Томке расскажи. Как там она?

– Приболела. Кашляет сильно, – устало сообщила Нина.

– Курит, наверное, как паровоз, вот и кашляет, – засмеялся Влад.

– Она из ШИЗО не вылезает, а там сыро и холодно...

– Значит, даже на зоне не угомонилась, оторва, – нежно сказал Влад и улыбнулся. – Я ведь за это ее и полюбил. Сорвиголова баба. Вернется, рассчитается по долгам, и заживем мы с ней!

– Господи, Влад, до чего же ты... Неужели ты до сих пор

не понял, что тебе больше ничего не светит? Она любила тебя, но ты ее предал, а такие, как она, предателей не прощают. Мой тебе совет, Влад: как только ее срок подойдет к концу – беги, беги так далеко, чтобы она тебя не нашла. А она будет тебя искать и не успокоится, пока не убьет. Ты не понимаешь, она только этим и живет.

– Почему ты мне все это рассказываешь? – нервно потрянув головой, спросил он. – Кажется, ты говорила, что Тома – твоя близкая подруга.

– Именно поэтому я и ставлю тебя в известность. Я не хочу, чтобы она сразу же после освобождения вновь попала за решетку из-за такой мрази, как ты, – жестко сказала Нина, сказала, потому что должна была так поступить: отомстила за подругу, но в душе ей почему-то было жалко этого мальчишку. Пожалуй, Томочка слегка преувеличивала, когда рассказывала ей о гнусном поступке своего любовника, решила Ниночка и отчаянно зевнула.

Оставшуюся дорогу они ехали молча. Влад сосредоточенно вел машину и думал о чем-то своем. Она задремала и проснулась уже в Москве, когда он не очень-то вежливо толкнул ее в бок и сообщил, что приехали.

– Третий подъезд, четвертый этаж, квартира 123, – сообщил он и, вложив ей в руку ключи, не простившись, уехал.

«Обиделся», – решила Ниночка и огляделась по сторонам. Был уже вечер. Теплый и ласковый. Во дворе, на детской площадке, беззаботно веселилась молодежь, громко надры-

вался магнитофон, парочка припозднившихся бабушек шушукались на лавочке у соседнего подъезда, с подозрением поглядывая на нее, пожилой мужчина прогуливался с собакой...

Нина подняла голову и посмотрела на окна дома, в котором ей предстояло жить, подбросила в руке связку ключей от своей новой жизни и решительно вошла в подъезд.

Глава 7

Провинциальный колорит, или Каждый выживает, как может

Несколько километров от Москвы. Резкий поворот с шоссе. Небольшой провинциальный городок. Смешные нелепые магазинчики с сельским колоритом, обшарпанная школа, ветхая больничка, кинотеатр, странные пятиэтажные дома с рваными, замазанными мастикой швами, тусклыми окошками и занавесками в цветочек, облезлые собаки, забитые мусором помойки, узкие щербатые улочки, названные в честь вождей мирового пролетариата и военачальников Второй мировой войны, и, что самое удивительное, – обилие светофоров, буквально на каждом перекрестке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.